

Привет избранникам народа — депутатам Верховного Совета СССР!

Да здравствует первый депутат народа товарищ Сталин!

ЯНВАРЬ
12
СРЕДА
1938 год.
№ 2 (709)
Цена 30 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

Да здравствует
Верховный
Совет
СССР!

Сегодня открывается первая сессия Верховного Совета СССР. Лучшие люди страны, избранники и слуги народа, приступают к своей важнейшей государственной работе. Волею народа им доверено управление нашей великой социалистической страной, вести ее вперед по Сталинскому маршруту. Устами своего любимого вождя, друга и учителя, родного Сталина, народ говорит своим избранникам:

«Депутат должен знать, что он слуга народа, его посланец в Верховный Совет и он должен вести себя по линии, по которой ему дан наказ народом».

С этой мыслью шел народ выбирать своих депутатов, этими словами он напутствовал своих посланцев, когда они ехали на первую сессию невиданного в истории парламента, воплощающего моральное и политическое единство народа Советского Союза. Эти слова должны стать железным, непреложным законом для каждого депутата, ибо нет ничего ценнее доверия народа. «Руководители приходят и уходят, а народ остается. Только народ бессмертен. Все остальное — проходящее. Поэтому надо уметь дорожить доверием народа». (И. Сталин).

Слуга народа! Выше и почетнее этого звания ничего нет и не может быть на свете. Переловые рабочие и деятели науки, колхозные доярки и народные артисты, бойцы Красной Армии и писатели, стхановщики шахтеры и герои Советского Союза, знатные машинисты и опытные сталевары, — весь многонациональный Советский Союз имеет своих представителей в советском парламенте. Вот почему с такой любовью и гордостью провозглашал народ своих посланцев в столицу мира — в Москву.

Вместе со всеми избранниками народа в Кремль войдут советские писатели Алексей Толстой, Михаил Шолохов, Владимир Ставский, Александр Корнейчук, Шалва Дадияни, Платон Ойонский, Мирая Обрыжков. Это большая честь, это большое доверие, которые оказаны советской литературе, налагают на всех писателей новое обязательство: еще лучше, еще упорнее работать над созданием произведений, достойных Сталинской эпохи.

Тысяча сто сорок три избранника народа будут решать важнейшие государственные вопросы. И свыше девятая миллионов избирателей, отдавших свои голоса кандидатам необходимого Сталинского блока коммунистов и беспартийных, будут пристально и внимательно следить за работой этого невиданного в мире парламента. Своими девятая миллионов избирателей будут с каждой ночью любить каждое слово, произнесенное в эти дни в Кремле, в полной уверенности, что их депутаты выразят волю бессмертного народа, сплоченного вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг ленинско-Сталинского Центрального Комитета.

В эти радостные и волнующие дни еще и еще раз всему миру будут продемонстрированы моральное и политическое единство советского народа, нерушимая и братская дружба народов советской земли. Да здравствует Верховный Совет СССР — парламент, подобному которому не знала история человечества! Да здравствуют избранники народа! Да здравствует первый депутат народа товарищ Сталин!

ВЕЛИКИЕ ЗАДАЧИ ПИСАТЕЛЯ

Внимание всего мира привлекло сейчас в сессии Верховного Совета СССР, открывающейся сегодня в Москве. Для народов Советского Союза, для дружной семьи народов Советского Союза — это новая победная дата на пути к коммунизму. Сессия Верховного Совета СССР — это новое грозное выражение воли Советского Союза, воли, которая заключена в политико-моральное единство всего советского народа, в непобедимую волю коммунистов и беспартийных, в неразрывную дружбу всех народов Советского Союза. И путь об этом знают и помнят наши враги, где бы они ни находились. Советские писатели в первую очередь должны в своих произведениях отразить, что же стало в нашей стране за двадцать лет революционной борьбы и побед. Это значит, что в художественных произведениях должны быть показаны героические люди, деятели победоносного социализма и их героические дела.

Это значит, что советские писатели должны дать радостные произведения, которые ярко отражат нашу героическую борьбу и великие победы за 20 лет советской власти. Писателю в жизни должны быть наши писатели. Они обязаны принимать непосредственное участие в великих делах своего народа. Плечу писателей в Тбилиси выявил горячее стремление наших товарищей писать, писать и писать. Союз советских писателей должен безусловно оказать всемерную помощь писателям в их писательском деле.

Что я буду делать, как депутат Верховного Совета СССР?

Прислужу все свои силы, чтобы выполнить долг слуги народа, генерально сформулированный великим и родным Сталиным в его речи перед избирателями.

В. СТАВСКИЙ
Депутат Верховного Совета СССР

ОГРОМНОЕ СЧАСТЬЕ БЫТЬ СЛУГОЙ НАРОДА

12 января состоится первое заседание Верховного Совета СССР. К этому историческому дню, знаменующему огромные победы самой демократической в мире Сталинской Конституции, народы нашей необъятной, могущественной родины готовятся, как к великому празднику.

Из снежной Сибири, солнечных берегов Кавказа, из казахских степей, из притесненной Украины в столицу нашей родины едут депутаты нашего народа. Горячо приветствовать великого вождя будут многонациональный советский народ и его депутаты, которые свято хранят наказ своих избирателей — передать первое свое слово, слово приветия, преданности и любви от лица миллионов тружеников нашему отцу, учителю и другу, великому товарищу Сталину.

Много дней провел я в колхозах, в районных городах, сахарных заводах последние месяцы 1937 года. Встречаясь, беседуя со своими избирателями, наблюдая и изучая их жизнь и быт, я воочию сталкивался с удивительно глубоким, коренным изменением психики народных масс, с великой тягой народа к культуре, искусству. Любовь и преданность народа партии и великому Сталину беспредельны.

На собраниях в колхозах, на заводах, на машиностроительных станциях выступали старики и молодежь. И первое свое слово они обращали к родному Сталину, выдвигая его кандидатуру в депутаты Верховного Совета. Нельзя без волнения вспомнить и писать о словах самых старых селян села Колодязинского. Сидя, умудренные жизненным опытом деды, пожимая магнага-помехина, беседовали со мной долго и обстоятельно о своей жизни, о родине.

В заключение самый старший из них твердо и уверенно сказал мне: «Ну от, сынок, потворили тебе, тебя мы выберем, а потом поедешь в столицу, увидишь товарища Сталина, передай ему от нас спасибо за хорошую жизнь и что радоваться будем еще лучше и крепче». Я оставил кату, переполненный чувством горячей преданности и любви моего народа к великой партии Ленина-Сталина, и взошло нашему, товарищу Сталину.

С полнейшим запихом выпавшего Черномора, вчераше, где-то совсем близко слышался молодой голос пели звонкую песню о Ворошилове, о боевых клинках, о родине... Село не спало, приветливо и уютно светилась окна.

Дни, проведенные среди моих избирателей, — замечательные дни в моей жизни. С непередаваемым чувством смотрел я со стороны на исполнение колхозников и колхозниц, в исполнении трактористов и доярков.

Труженики Звенигородщины хорошо помнят и горячо любят своего земляка, великого народного поэта Тараса Шевченко. Шести, стихи поэта, детеныш и нем живут в народе. — Прошлое было у нас темное, проклятое, — говорил колхозник Марченко. — Крестно написал о нем Тарас Григорьевич.

Народ слагает замечательные песни о Ленине и Сталине, о счастливой жизни в Советском Союзе. Ясная, Шлода, Екатеринаполь, Тальное, Полосная, богатая земля, принадлежавшая 20 лет назад кучке помещиков, небольшие города с захватом бытом и домостроительной, неограниченной властью помещика, поща и урядника — об этом вспоминают старики, рассказывающие молодежи о своей прошлой, тяжелой жизни.

Солнце Сталинской Конституции сияет над колхозными полями. Оно освещает нам дорогу в коммунистическое общество. По этому солнцу вырастает плоть Сталинского социалистического труда. Этот труд рождает героев. Создает произведения, показывающие этот труд, создает образы людей Сталинской эпохи — величайшее счастье современного советского писателя. Вот о нашем колхозном селе, о наших героях-колхозниках, о великих сдвигах в психике крестьянства, которую произвела большевистская коллективизация, я напишу песню. Ранней весной я перееду жить к своим избирателям, вместе с ними буду ездить в поле, ходить на собрания, держать повседневную связь, изучать их быт и жизнь.

Доверие и полномочие, которые дал народ своим депутатам, возлагают на нас великие и ответственные обязанности. Мудрые Сталинские слова о деятельности депутатов — это программа действий для каждого из нас. Великая честь быть слугой народа и оправдать его доверие.

Многонациональный Советский Союз — жизнь, полная великих идеалов и стремлений, неисчерпаемый родник великих образов и тем, о которых мечтали классики прошлых эпох. Нам выпало огромное счастье жить и творить в Сталинскую эпоху.

А. КОРНЕЙЧУК
Депутат Верховного Совета СССР

Ближе к народу

Сегодня я вместе с другими избранниками народа переступил порог единственного в мире и мировой истории учреждения, по-прежнему воплощающего волю многомиллионного и многонационального народа. Во имя всего угнетенного и поработанного человечества, всех эксплуатируемых, мечты и надежды которых связаны со страной социализма, устремлены на нас.

Нет таких слов, которые могли бы достойно выразить величие этого исторического момента и то, что чувствуем мы, непосредственные его участники. Ощущение близости к народу, сознание его доверия, сознание, что ты призван претворить в жизнь от имени и во имя народа великую Сталинскую Конституцию — что может быть светлее, радостнее, праздничнее такого чувства!

Быть ближе к народу, каждый час своей жизни посвящая служению ему — вот к чему обязывают нас эти слова вождя. Найти наиболее действенные конкретные формы этой близости и служения народу — такая задача каждого из нас.

Как писателю я прежде всего не могу не чувствовать себя бойцом культурного фронта и по этой линии связываю со своими избирателями. В массах чрезвычайный великий интерес к литературе и проявляется полнейшая жажда литературной самостоятельности. С момента своего избрания я, или нарцестру этой культурной потребности своих избирателей, организовал целый ряд литературных кружков на предприятиях и в колхозах.

Величайшее удовлетворение, которое мне принес день 12 декабря, как общественному деятелю, обремененному доверием народа, дополнились еще удовлетворением, полученным мной как писателем. Накануне выборов — 11 декабря — состоялся в Тбилиси премьеры моей пьесы «Из веселых», посвященной тому, чей генеральной мыслью вдохновлена наша Конституция. Сюжет пьесы относится еще к тому периоду жизни и деятельности Сталина, когда еще великий ореол человечества только расправлял свои крылья. Но вместе с тем это момент чрезвычайно важный в истории России и особенно закавказских народов.

Историческая и патристическая линия в нашей литературе должна обязательно сочетаться с показом нового человека. Ведь недаром народы Советского Союза являются надеждой всего мира, самой прогрессивной частью человечества, лучшими гражданами мира. Наш народ уже сейчас в десятках лучших своих людей, в подвигах Героев Советского Союза являет миру пример и идеал гражданина и человека.

Этих людей должна поднимать на щит советская литература. Мы, как учил нас А. М. Горький, обязаны окружить романтическим объяснением образ этих людей, уже взрослых и действующих на нашей советской почве.

Другая важная тема нашей современной литературы — это братство и дружба народов.

Я знаю, что этой великой темой вдохновлены и горят сейчас многие писатели, вернувшиеся с всенародного празднования в Тбилиси юбилея Шота Руставели. Это был не литературный юбилей, а истинный интернациональный праздник, на котором на 62 языках воспевались дружба и братство народов и лучшие, подлинно человеческие чувства.

Ш. ДАДИЯНИ
Депутат Верховного Совета СССР

ВСЕГДА И ВЕЗДЕ ВЫПОЛНЯТЬ СТАЛИНСКИЙ НАКАЗ

Москва — вершина мира.

С ее высот, озаряемых сиянием кремлевских звезд, виднея прошлое и настоящее, опущенное воспринимается перспективы грандиозного будущего нашей монолитной великой Советской страны.

Сегодня, когда я, депутат Верховного Совета — слуга народа, его доверенный, вхожу в Кремлевский зазд, чтобы приветствовать творца самой демократической Конституции в мире, садюника, возрастившего удивительную, цветущую страну, любимого вождя, учителя и друга, товарища Сталина, я мысленно обращаю взоры к моей далекой родине.

Чем она была?

Якутия в прошлом — это синоним порабощения, бесправия и угнетения. Якутия! Это слово вызвало дрожь испуга и обаятельной Русской империи. Якутия, родина мирного народа, по воле царской жандармерии была превращена в каторгу. Сюда парские сатрапы послали верного сына ленинской партии, пламенного борца за коммунизм Сергея Орджоникидзе. В Якутию сослазла жандармерия Г. И. Петровского.

Заброшенной, изолированной бездорожной от России, дикой и неумной была моя порабощенная родина двадцать лет тому назад. Ни школ, ни больниц!

Население Якутии не могло ни читать, ни читать на своем родном языке. Сыла — гнилая кора, «основная завла» — древесная кора — вот основная пища большинства населения.

Туберкулез, трахомы, желудочно-кишечные болезни были социальными и национальными болезнями моего народа, дважды порабощенного — и якутским капитализмом и русским чиновничеством.

Ни своей литературы, ни своей музыки, ни радостей, ни улыбок. И не знаю в до-революционном изобразительном искусстве и в фотографии портрета, пусть не смеющегося, пусть хотя бы улыбающегося якута.

Он был угрюм и молчалив, как и вся действительность вокруг него.

Но капиталистические хищники ошибались, думая, что если якутский народ беден и неграмотен, то им можно распоряжаться как рабочим скотом. Якутский народ делал вековую мечту о счастливой, зажиточной и справедливой жизни, без угнетателей, царских сатрапов и родовых именных князей-аристократов. В нем проснулось огромное классовое самосознание.

Якутский народ познал своего вождя — коммунистическую партию и пошел за великими мыслителями и стратегами Лениным и Сталиным к завоеванию никогда никем еще невиданного общественного строя — социализма.

Не узнать сейчас бывшей царской каторги, далекой, заброшенной страны — Якутия, моей родины.

Цветущей, радостной, равноправной семье народов многонациональной советской страны Якутия встречает первую сессию Верховного Совета СССР.

Мощные маяки советской культуры расцвели вековечной тьме. Около 80 процентов населения Якутии овладели грамотой, все дети школьного возраста обучаются в школах. Типографии ежедневно выпускают газеты, журналы, книги на якутском языке.

Нет большей чести, чем служить своему народу, своей стране. Мысль — создать искусство, простое, понятное всем и вдохновляющее народные массы — была основной идеей, которая 40 лет тому назад руководила нами, молодыми в то время основоположниками Московского Художественного театра.

«Общедоступно-художественный театр» — вот как именовали мы свой театр с самого начала.

В искусстве в эти годы одно течение сменяло другое. Декаданс, символизм, футуризм, кубизм и прочие «измы» — все это прошло мимо нас. Простота, правдивое отражение реальной жизни — вот что нужно народу, вот какое искусство я лично сам пытался пропагандировать всю свою жизнь.

И теперь, когда 40 лет существует Художественный театр, я могу сказать смело: наш театр — народный, он связан с народом неразрывными узами.

Вот уже месяц, как я — депутат Верховного Совета СССР. Член правительства. Моя страна оказалась мне самую большую честь, мой гражданин — самое большое доверие.

И в ответ на эту оказанную честь я твердо обещаю родине: — Весь я принадлежу народу. Все свое знание, жизненный опыт, дарование, время — все отдаю любимой стране. Велика и ответственна стоящая передо мной задача депутата. Мои обязанности сводятся к борьбе за еще больший расцвет культуры в стране социализма. Мы, опытные мастера сцены, должны вырабатывать молодые таланты, передавать им свои знания, систему работы, словом — весь тот житейский багаж, который накопился за десятилетия.

Ненасытно, как путник в пустыне набрасывается на воду, так наша молодежь жадно бросилась к изучению лучших образцов мировой литературы. Почти во всех средних школах активно работают литературные кружки, нет ни одного техникума, ни одного вуза в Якутии, в котором молодежь не изучала бы лучшие произведения мировых классиков.

Я горд и счастлив достижениями якутского народа, горд и счастлив, когда встретил в далеком селе Нимсах семидесятилетнего старика-колхозника, горячо декламировавшего стихи о родине, о великом, любимом Сталине.

Я горд и счастлив, когда на подмостках якутского государственного театра народ смотрит постановку «Грозы» Островского.

Я горд и счастлив, когда на литературном конкурсе в честь пятидесятилетия советской Якутии были присланы десятки новелл, рассказов, повестей, стихов, песен и драматургических произведений, написанных легкими рошителями, бывших еще недавно рабами в царской России.

Я горд и счастлив тем, что сегодня, в день открытия сессии Верховного Совета, на якутский язык переводится генеральная пьеса Шекспира «Ромео и Джульетта», Гоголя — «Ревизор», тем, что якутский народ уже имеет возможность читать на своем родном языке произведения таких писателей, как Лев Толстой — «Власть тьмы», Гоголь — «Женитьба», Пушкин — «Борис Годунов».

Я горд и счастлив за свой народ, продемонстрировавший на всеякутской олимпиаде самостоятельности умение петь и танцевать, смеяться и творить.

Сегодня в зал первой сессии Верховного Совета я и мои товарищи входим не как представители доореволюционного сумрачного и молчаливого якута, а делегатами счастливому, полнокровному и радостно живущему якутскому народу, преобразившему под алыми знаменами Ленина — Сталина свою родину, свою жизнь и самого себя.

С чем же я, писатель, коммунист, депутат и слуга своего народа, прихожу на первую сессию советского парламента? За что я буду бороться, что защищать?

Мои интересы — это интересы моего народа, а они идентичны интересам всего советского народа, интересам нашей коммунистической партии, руководимой генеральным вождем товарищем Сталиным.

Всегда, везде, при любых обстоятельствах быть достойным учеником великого Сталина;

беззаветно и неулыбно идти по пути Ленина — Сталина; проявлять бдительность и беспощадность к врагам народа;

проявлять Сталинскую мудрость и нетерпимость при решении сложных вопросов;

быть всегда честным, всегда правдивым, морально чистым перед своей партией; добиваться великой и окончательной победы над фашизмом во всем мире;

добиваться, чтобы наша великая советская родина была самой культурной, самой просвещенной во всем мире, — вот те задачи, которые я ставлю перед собой, и вот почему сегодня, переступая порог Кремлевского зала, я, депутат, слуга советского народа, страстно и горячо восклицаю: — Да здравствует товарищ Сталин!

П. ОЙОНСКИЙ
Депутат Верховного Совета СССР

ОПРАВДАТЬ ДОВЕРИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Жизнь показала, что истинные таланты кроются подчас в самых «простых смертных», населяющих любой из уголков нашей необъятной родины. Ярким доказательством этого служат выступления в ведущих партиях вчерашних колхозниц, а сегодняшних артисток. Или возьмем, к примеру, юную — дирижершу ГАБТ. Она читает ли не вчера закончили свое музыкальное образование, а уже сегодня умею дирижировать и оперой и балетом.

И это все — наша советская молодежь, яркое, свежее пополнение.

Чуть работать над ростом народных талантов, быть предельно требовательным, понимать способности одаренных людей до уровня настоящего большого мастера — моя задача депутата Верховного Совета. Всемерно способствовать развитию по всему Союзу и росту культурных учреждений — народных театров, клубов, школ, всемерно способствовать дальнейшему развитию истинно народного, правдивого искусства, отражающего нашу прекрасную жизнь и непрестанно зовущего нас к новым победам. — моя задача депутата Верховного Совета.

В передовой «Правды» за 10 января «Депутат — слуга народа» есть фраза, которая меня глубоко взволновала: «Только в нашей стране, где с корнем вырвана эксплуатация, никто и ничто не в состоянии указать волю избирателей. Только в нашей стране, где социализм неизбежно вошел в быт, депутат является истинным посланцем народа, выразителем его воли и чаяний».

Народ облекает доверием своего представителя, свободно, по своей воле выбирая его. А депутат, выражая волю народа в Верховном Совете, представляет собой верховную власть народа. Какое это великое дело, товарищи!

Когда до революции со сцены Художественного театра звучали слова Сиди в чеховской пьесе «Лда Ваня»: «Ты не знала в своей жизни радости, но потопи, лда Ваня, потопи... мы отдохнем... мы отдохнем!», когда молоденькая девушка Соня говорила эти прекрасные, пронзительные слова — финал пьесы, на публике это произвело потрясающее впечатление. Многие плакали от волнения, от безнадёжности, от невыносимого уклада жизни. Народ понимал в ту пору, что дальше так жить нельзя. Честно вам скажу — в те годы я еще не знал, что именно должно принести счастье, чего надо добиваться. А вот теперь понял. Тот, кто не знал раньше в жизни радости, узнал их теперь в нашей стране. Это — счастье. Но чем больше оно, тем сильнее его надо оберегать.

Я — человек искусства и к тому же немолодой. Но защищать родину я буду до конца. Советское искусство встанет на оборону страны в ту же минуту, когда наступит грозный час. Когда я думаю о том, что есть страны, посягающие на нашу землю, есть полные людских, запасные проносящие фашистским разведкам нашу прекрасную родину, меня охватывает великий гнев. Ненавистью к врагам родины должны жить все ее патриоты.

Сегодня первый день сессии Верховного Совета. Я поздравляю страну с этим прекрасным днем, которого я долго и с волнением ждал. Я тщательно продумал все свои обязанности. Они ответственны и разнообразны, но все они сводятся в основе своей к одной великой цели: быть слугой народа, оправдать его доверие.

И. МОСКВИН
Народный артист Союза СССР,
депутат Верховного Совета СССР

Избранники таджикского народа, депутаты Верховного Совета СССР, прибывшие из Сталинабада на первую сессию Верховного Совета, в Центральном музее В. И. Ленина во дворце VIII зала музея (Совзафото)

Веди нас, партия, веди нас, дорогой, любимый товарищ Сталин, к новым победам коммунизма!

ВЕЛИКИЙ ТВОРЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ

Трудились города Еревана избрали меня депутатом в Совет Национальностей. Я рассматриваю свое избрание в депутаты Верховного Совета СССР не только как факт высокого доверия народа, но в первую очередь, как величайшую обязанность и ответственность.

Товарищ Сталин в своей замечательной речи перед избирателями 11 декабря 1937 г. дал исчерпывающее и мудрое определение роли депутата:

«Депутат должен знать, что он слуга народа, его посланец в Верховный Совет и он должен вести себя по линии, по которой ему дан наказ народом».

Быть посланцем народа, быть слугой его — это является для депутата высшим почетом и актом большого политического доверия.

Депутат, честно и правильно выполняющий свои обязанности, бесконечно преданный делу народа и советской родине, может полностью оправдать себя, как представитель народа, достойный высокого звания политического деятеля Ленино-Сталинской эпохи. Каждый из нас, депутатов Верховного Совета, будет учиться работать по-сталински.

Все, что происходит в нашей стране, будь это в области литературы, искусства или хозяйства, является делом всенародным. Поэтому сегодня, при определении задач советской художественной литературы, искусства и архитектуры, мы должны исходить из того, насколько наша литература, архитектура и искусство в целом удовлетворяют запросам широких масс трудящихся страны.

Враги народа занимались вредительством на идеологическом фронте. Мы разоблачили троцкистско-бухаринских агентов фашизма в литературе и искусстве. Наша задача — усилить бдительность, решительно бороться с остатками враждебных буржуазных влияний — формализмом, конструктивизмом в литературе и искусстве, со всем тем, что мешает еще нам создать подлинное реалистическое искусство.

Успех в творчестве каждого писателя и работника искусства будет определяться тем, насколько он глубоко осознал политическую ответственность перед страной, перед партией, перед народом, насколько сумеет, любуясь основными задачами социалистического строительства нашей страны, отображать в литературе, искусстве и архитектуре те новые качества и высокие идеи, которые несет наша страна всему человечеству. Художник должен также любить и знать героев нашей социалистической про-

мысленности, колхозной деревни, Красной армии, нашей трудовой интеллигенции и создавать новые полноценные произведения.

Мы, советские архитекторы, интересуемся советской художественной литературой, читаем многие книги. Но давайте будем откровенны. Писатели, проверьте ваши книжные полки. Много ли вы найдете наших книг, в художественной удельчатой форме описывающих историю народов Союза ССР, замечательную, счастливую жизнь национальных республик Союза? Таких книг почти нет. Товарищи писатели, еще внимательнее присмотритесь к жизни народов великого Союза. Какие гигантские свисты произошли после революции в хозяйственной и культурной жизни любой национальной республики! Посмотрите, какие замечательные люди выросли за эти годы в наших национальных республиках. Как замечательно расцвело национальное по форме и социалистическое по содержанию искусство народов!

Все это свидетельствует о великой победе идей ленинско-сталинской национальной политики. Так почему же вы не напишите новые романы, повести, поэмы о счастливом сегодня народов нашей советской родины? Эти большие темы еще ждут своего художника.

И невольно здесь вспоминается писателя Михаила Шолохова. Его личная жизнь и творчество могут служить примером для каждого писателя. Кто из нас не читал замечательные книги М. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина»? Это прекрасные реалистические произведения, которые были созданы писателем в результате правильного советского стиля работы художника-гражданина. Шолохов великолепно знает свой край, людей, он тесно связан с жизнью народа. Поэтому герои его произведений так живы и правдивы.

Торжественные дни подготовки к невиданным в мире демократическим выборам в Верховный Совет Союза ССР, исторический день всепартийного праздника, когда все трудящиеся нашей страны избирали Верховный Совет, еще выше подняли политическую и производственную активность миллионов людей.

В дни начала работы первой сессии Верховного Совета СССР все трудящиеся нашей страны переживают исключительный творческий подъем.

Художники нашей страны должны создать литературу, искусство и архитектуру, достойные страны социализма.

Архитектор **М. АЛАБЯН**
Депутат Верховного Совета СССР.

Под солнцем Сталинской Конституции

Грузинский народ тесно сплочен вокруг партии, советской власти. Он глубоко предан великому нашему вождю и другу товарищу Сталину.

В первый же день, когда явится необходимость, грузинский народ, как один человек, встанет на борьбу с врагом и защитит от него неограниченно наше отечество, великие идеи Ленина—Сталина, Сталинскую Конституцию победившего социализма.

Грузинский народ — обладатель древнейшей культуры, прошел через века угнетения, изнывал под ярмом поработителей внешних и внутренних. Только теперь благодаря мудрой национальной политике Ленина—Сталина он вздохнул свободно. Под руководством вождя мирового пролетариата, товарища Сталина, Грузия, вместе с другими республиками Советского Союза, пришла к небывалому расцвету. С помощью русского народа грузинский народ за-

воевал себе свободную и счастливую жизнь, и нет на земле такой силы, которая могла бы нас оторвать от многонациональной семьи народов советской страны.

Недавно прошедший в Тбилиси пленум союза советских писателей явил собой яркий пример великой сталинской дружбы народов СССР, где единая воля миллионов сынов ведет свою родину к небывалым победам экономики, культуры и искусства.

Руставелевский пленум был демонстрацией того, что только ленинско-сталинская национальная политика обеспечивает пышный расцвет культуры.

Нет большего счастья на земле, чем счастье быть избранным и слугой своего народа, созвывая себя исполнителем его воли.

А. ХОРВАТ,
Народный артист СССР,
депутат Верховного Совета СССР.

Э. ГАРД

Звание литератора

Пушкин и Лермонтов были убиты. Рылева повесили. Гоголь сошел с ума. Достоевского с эшафота послали на кагорту.

Герцен метался по Европе, без отечества, без пристанища.

Гаршин сошел с ума и бросился в пролет лестницы.

Глеб Успенский девять лет провел в психиатрической больнице, повторяя в бешеном: «Пропал талант! Погубили, зарезали меня!»

Николай Успенский спился и зарезался под забором...

Шел «золотой век» русской литературы. Но вот «властителями умов» в литературных кружках стали Арибашев и Вербицкая, Игорь Совернин и Вертинский. В это время Антон Чехов умирает от чахотки, Лев Толстой убежал из дома, М. Горький, испытав тюрьму, ссылку, казематы Петропавловской крепости, жил на чужбине.

Сто лет отделяет нас от дня смерти Пушкина. И всего 27 лет от дня смерти Л. Н. Толстого. И вот писатель стал инженером душ, строителем социализма, той новой прекрасной жизни, о которой мечтался, за которую боролись поколения писателей нашей родины. И сегодня, когда советский писатель как депутат Верховного Совета СССР вместе с избранными народом решает государственные дела, интересно «спросить» классиков нашей литературы и писателей претрореволюционной России о положении литератора в царской России.

Писатели отвечают.

Гоголь: «Подя я в актеры — я был бы обеспечен; актеры получают по 10.000 и больше... Но я писатель — и потому должен умереть в год!»

Достоевский: «...бедность и нищета образуют художника. Они неразлучны с началом. Подожди, еще не то будет, когда узнают, что в тебе есть дарование. Зависть, мелочная подлость, а лучше всего глупость налягут на тебя сильнее нищеты... ты будешь один, а их много; они тебя истерзавт булавками».

Лесков: «Русский литератор всегда чувствует себя в положении человека, которого известный акробат Блонден носил у себя в корзине за спиной, переходя по канату через Ниагарский водопад».

Некрасов:

«Долг писателя — доля известная! Ноги бессонные, дни беспросветные, Доля раба за стремления честные; Горьких сомнений тоска безысходная, Жизнь горемычная, клычка не лесная, Смерть в одиночестве полуголодная».

Сергей Атава (Терпигоров): «Писательство — это не профессия, не звание, не чин, не сословие, не призвание...»

Ан. Майков: «Литератор не только может, но и должен искать славы».

П. И. Вейнберг: «На одного писателя-сталинца всегда приходится сотня неудачников».

В. Моделстов: «Из всех профессий — литературная самая неопределенная».

М. Горький (1909 год): «Среди пишущей братии есть люди, которые смеиваются призыванию писателя с ремеслом портного...»

Салтыков-Щедрин: «Можно поколеть о голоду, если писатель рассчитывает жить литературным трудом. Опи дураки могут посылать себя литературному труду... Чинюничья служба имеет перед литературой хоть то преимущество, что человека не грабят».

«И вот тот же М. В. Салтыков-Щедрин завещает сыну:

ДОВЕРИЕ НАРОДА И ДОЛГ ГРАЖДАНИНА

Открытие первой сессии Верховного Совета СССР заставляет меня в момент энергичной подготовки к новой арктической экспедиции, одной из тех советских экспедиций, которыми прославилась наша страна.

Как уже сообщалось в печати, группе воздушных кораблей предстоит совершить поход в глубь Арктики с тем, чтобы доставить на зимующие в Полярном бассейне ледоколы «Садко», «Мальгина» и «Седов» продовольствие, снаряжение, почту и вывезти с этих судов на материк людей, освобожденных от научной работы во льдах. Партия и правительство поручили мне руководство воздушной экспедицией, и это задание я распланировал, как доверие народа.

«Надо уметь дорожить доверием народа», — сказал товарищ И. В. Сталин на приеме руководителей работников и стажеров металлургической партии и правительства в Кремле 29 октября 1937 года. Страна наша растет и крепнет на наших глазах, растет сама и выращивает миллионы советских патриотов. Слова великого вождя народов СССР товарища Сталина продиктованы его горячей любовью к народу и поэтому не могут не вызвать отклика в сердце каждого, кто желает советской стране дальнейшего счастья и процветания.

Во дни открытия исторической сессии Верховного Совета в Москву со всех сторон пообитой советской страны собрались доверенные народа, избранные тайным голосованием на основе великой Сталинской Конституции. Здесь и стахановцы заводов, и знатные забойщики угольных шахт, и писатели, и академики, колхозные чабаны, животноводы, советские писатели, летчики, народные артисты, бойцы-красноармейцы и пограничники. И каждый из нас знает, что всем своим героическим прошлым, так же как и замечательным настоящим, страна и советский народ обязаны партии Ленина — Сталина. У нас не может быть иного стремления, чем добиться еще большего процветания и мощи своей родины.

У нас — общая «судьба» честных советских граждан, готовых пожертвовать своей

жизнью за дело партии и ее вождя товарища Сталина, первого депутата Верховного Совета СССР, окруженного глубочайшим доверием и любовью советских народов.

Моя «судьба» едва ли отличается чем-либо от судьбы миллионов советских граждан. Меня, приходящего из нищенской крестьянской семьи, неграмотного штрафного моряка паркового флота, партия учила и воспитывала с первых дней гражданской войны. И учила летному делу на деньги моего народа и, пользуясь его заботой и вниманием, стал водителем самолетов, построенных на народные деньги. И по мере своих сил и возможностей я стараюсь окупить доверие партии и народа той работой, которая мне поручается.

Своим высшим долгом я считаю служить своему народу, быть честным гражданином своей родины. Служить народу в советской стране — это означает быть преданным большевистской партии и ее вождю товарищу Сталину. Без этого невозможно оправдать доверие народа, невозможно быть достойным чистого и высокого звания депутата Верховного Совета СССР. Я всегда буду помнить об этом, а также и о том, что депутат Верховного Совета, облеченный многими правами, лишен права плохо работать.

Я — депутат-летчик и должен хорошо летать, иначе мне будет стыдно смотреть в глаза миллионам советских избирателей. Поэтому с чувством особой ответственности я готовлюсь к очередной своей арктической экспедиции, и это чувство, как мне известно, разделяется всеми участниками воздушного похода на чорте братьев Лавтевых.

Каждый из нас помнит, что, помимо продовольствия и снаряжения, на борту наших воздушных кораблей будет ценнейший груз — подробные отчеты о заседаниях Верховного Совета СССР, которые мы будем иметь честь доставить первыми на отдаленные арктические зимовки необитой советской страны.

В. МОЛОКОВ
Герой Советского Союза,
Депутат Верховного Совета СССР.

А. Н. ТОЛСТОМУ

Высоко ценим Ваш замечательный талант, дорожим Вашими книгами, песнями, кинокартинами. Гордимся Вашим блестящим участием в общественной жизни советской страны. Искренне желаем постоянного здоровья.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Усейн Джафар Кули Оглы — популярный азербайджанский ашуг из селения Бозагалан Таусского района, недавно принятый в союз советских писателей Азербайджана, поет свои песни пионерам (Союзфото).

го — врач. Известная уже тогда артистка Художественного театра О. Л. Книппер-вдова врача.

Любопытно, что сестра Чехова — Мария Павловна — прав на наследство, как сестра, по российским законам не имела. Вдова и братья являлись законными наследниками, сестра же осталась обделенной — пусть сестры врачей и писателей выходят себе замуж и живут на средства мужей. Наследники А. П. Чехова, испрыгав эту несправедливость закона, «перевали в дар» сестре покойного писателя долю его наследства.

И 3 марта 1906 года в конторе Московского нотариуса В. Д. Плевако составлен акт в том, что Чеховы — «подарили М. П. Чеховой свое право на получение в ее пользу собственности всех доходов и прибылей, которые будут следовать дарителям в их пользу, как наследникам покойного врача А. П. Чехова от всех его литературных произведений, театральных пьес, спектаклей — словом, всех тех имущественных выгод, которые так или иначе связаны с его литературным именем».

Чинювники заупряжились: признавая Чехова не литератором и драматургом, а врачом, они вынуждены говорить в то же время о литературных произведениях и пьесах «врача», о литературном имени «врача».

Как удивились бы русские классики, узнав, что писатель будет избирать в высший орган государственной власти, что кандидатуры их выдвигают не только врачи-писатели, но и заводы, фабрики, кохозы, и что все до одного писатели СССР — независимо от стажа, размеров получаемого гонорара и известности — являются избирателями — «выборщиками», как говорили тогда.

А. И. Куприн вспоминает, что за всю его жизнь никто его нигде не избирал и он никого не избирал, что он даже не интересовался выборами, — так далеко стояли писатели от общественной и политической жизни своей родины.

Д. Н. Мамин-Сибиряк, 25-летие со дня смерти которого только что отметили советская общественность, — прожил 60 лет, но — по словам его приемной дочери, Е. М. Куприной, жене писателя Куприна, — его точно также никто и нигде не избирал.

А на его могиле в Ленинграде на Волковом кладбище — рядом с могилой И. А. Гончарова — на кресте поставлена надпись: «Почетный гражданин г. С.-Петербурга Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк».

Во всех четырех Государственных думах не было ни одного писателя. Да и как они могли оказаться не только избранными, но хотя бы среди выборщиков, если по одному депутату приходилось: на 230 помещиков, на 16.000 городских жителей, на 60.000 крестьян и на 125.000 рабочих?

Были среди членов Государственной Думы редакторы провинциальных газет и лица, о которых в официальных изданиях отмечали так:

«Советник губернского правления, сотрудничает в местной печати».

В третьем думе было 74 помещика, 45 попов, 64 торговцев, фабрикантов и бакинских, 2 бив. губернатора, 1 бив. министр, 1 жанدار, 10 рабочих. Напросто было бы искать среди этих 422 «избранных народа» (!) хоть одного завалящего писателя. Если и попадались «писатели» вроде черносотенца и погромщика Гололобова или яркого монархиста, погромщика Шульгина, то они обобщались как «статуэтки советники» и «задатки».

В России, по данным «Литературного ежегодника» 1910 года, числилось 566 писателей, включая сюда и желтого издателя бульварных «Виржевых ведомостей» С. М. Протера, и вел. князя Константина Романова («К. Р.»), и некоего Картожинского из Нахичевани. Все сходило за писателей.

В Москве в 1916 году было 1.900.000 чел. населения. А избирали в городской думу из этих без малого двух миллионов только 2913 человек. Цислетелей среди них не было.

Только дети, внуки и правнуки Пушкина, Гербена, Достоевского, Толстого дожили до счастливого времени, когда звание «писатель» стало почетным званием, литературный труд — признанной профессией. Они увидели писателей-орденоносцев, депутатов в Верховный Совет СССР. Писатели — инженеры душ, граждане самой свободной, самой счастливой и самой интересной, замечательной страны земного шара.

ПИСАТЕЛИ, СЛОВО ЗА ВАМИ!

12 января в Москве открывается первая сессия Верховного Совета Союза ССР.

В работах сессии примут участие и работники литературы и искусства, избранные советским народом депутатами Верховного Совета СССР: А. Толстой, М. Шолохов, В. Стасовский, А. Корнейчук, народные артисты СССР И. Москвин, Е. Борчагина-Александровская. Это свидетельствует о том огромном почете, которым пользуются в нашей стране писатели и работники искусства.

Наша молодежь с увлечением прочтала книги Николая Островского «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей». Есть еще несколько книг, написанных о молодежи. Мало, очень мало.

Комсомолец, наша молодежь вырвется тре-

бовать к себе больше внимания писателей.

Писатели, поэты, драматурги, ближе изучите жизнь советской молодежи сталинской эпохи. Расскажите в художественных произведениях о советском молодом человеке, о двадцатилетних юношах и девушках, рожденных в дни Великой Октябрьской социалистической революции.

Наши юноши и девушки — шахтеры, трактористы, врачи, инженеры, летчики, геологи, работники искусства. Эта много-миллионная молодежь — активные участники строительства социализма советской страны. Напишите же историю советского молодого человека, которую не знала ни одна страна мира. Напишите о молодом человеке страны Сталинской Конституции.

Писатели, слово за вами!

Т. ФЕДОРОВА
Депутат Верховного Совета СССР.

Я СЧАСТЛИВ И ГОРД

Не нахожу слов, которыми можно было бы достаточно ярко и полно выразить чувство большой радости, гордости, счастья и чести, которыми я переполнен от того, что сегодня на сессии Верховного Совета СССР я в качестве депутата Верховного Совета увижу товарища Сталина и буду вместе с ним работать.

Вместе с этой радостью ни на минуту не покидает меня и чувство непоколебимого желания оправдать высокое доверие, которым я облечен, как слуга народа.

Всего несколько месяцев я работаю в качестве прокурора Армянской ССР и мне прежде всего необходимо необходимо вести до конца начатую перестройку работы органов прокуратуры Армении в духе выполнения исторических указаний вождя народов товарища Сталина о повышении нашей революционной бдительности и ответственности в условиях капиталистического окружения, беспощадно разоблачать и уничтожать врагов народа.

Мне лично выпала честь, как бывшему чекисту, продолжать свою работу в борьбе с контрреволюцией на новом и ответственном посту, на который я поставлен партией и волей народа. Доверие народа и должен оправдать четкой, преданной, большевистской работой.

А. АРУТЮНЯН
Депутат Верховного Совета СССР.

Мне, как депутату Верховного Совета, надо своим личным примером, беззаветной преданностью великой партии Ленина — Сталина воспитать молодых работников прокуратуры в духе большевистской партийности и непримиримости к нашим врагам.

Мне кажется, что наша борьба с контрреволюционным вредительством не находит еще полного отражения в советской художественной литературе, не показана в ней с достаточной политической остротой.

Мне хочется призвать работников советской литературы еще решительнее ринуться на борьбу с врагами, показать всю наглость, мерзость и подлость людей, осмеливающихся посягнуть на счастье и покой трудящихся нашего великого, несокрушимого в своей юности СССР.

В художественной литературе надо показать, как советская страна, под руководством великой партии Ленина — Сталина, ведомая великим вождем народов и мировым пролетариата товарищем Сталиным, вступила в третье десятилетие своего счастливого, победоносного существования.

А. АРУТЮНЯН
Депутат Верховного Совета СССР.

НЕПРЕЛОЖНЫЙ ЗАКОН

С чувством величайшего волнения и исключительной ответственности и жгу мучит, когда вместе с другими избранными народом волею в проторый и светлый зал Большого Кремлевского дворца, чтобы вместе с первым депутатом страны Советов — великим Сталиным, вместе с лучшими силами нашей могучей родины разрешать вопросы государственной важности.

Нынешний день запечатлется в памяти человечества как дата всемирно-исторического значения. Историками самыми яркими красками отметят день, когда представители шестидесятимиллионного народа, свободно избранные на основе самой демократической в мире Сталинской Конституции, приступят к непосредственному выполнению возложенных на них обязанностей.

Обязанности эти исключительно велики, ответственны и насыщены глубоким политическим содержанием.

Воля народа для большевиков — партийных и непартийных — была, есть и будет непреложным законом. Наказ избирателей я и буду стремиться всеми силами выполнять на том участке работы, куда меня направили партия и правительство.

А на его могиле в Ленинграде на Волковом кладбище — рядом с могилой И. А. Гончарова — на кресте поставлена надпись: «Почетный гражданин г. С.-Петербурга Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк».

Во всех четырех Государственных думах не было ни одного писателя. Да и как они могли оказаться не только избранными, но хотя бы среди выборщиков, если по одному депутату приходилось: на 230 помещиков, на 16.000 городских жителей, на 60.000 крестьян и на 125.000 рабочих?

Были среди членов Государственной Думы редакторы провинциальных газет и лица, о которых в официальных изданиях отмечали так:

«Советник губернского правления, сотрудничает в местной печати».

В третьем думе было 74 помещика, 45 попов, 64 торговцев, фабрикантов и бакинских, 2 бив. губернатора, 1 бив. министр, 1 жандар, 10 рабочих. Напросто было бы искать среди этих 422 «избранных народа» (!) хоть одного завалящего писателя. Если и попадались «писатели» вроде черносотенца и погромщика Гололобова или яркого монархиста, погромщика Шульгина, то они обобщались как «статуэтки советники» и «задатки».

В России, по данным «Литературного ежегодника» 1910 года, числилось 566 писателей, включая сюда и желтого издателя бульварных «Виржевых ведомостей» С. М. Протера, и вел. князя Константина Романова («К. Р.»), и некоего Картожинского из Нахичевани. Все сходило за писателей.

В Москве в 1916 году было 1.900.000 чел. населения. А избирали в городской думу из этих без малого двух миллионов только 2913 человек. Цислетелей среди них не было.

Только дети, внуки и правнуки Пушкина, Гербена, Достоевского, Толстого дожили до счастливого времени, когда звание «писатель» стало почетным званием, литературный труд — признанной профессией. Они увидели писателей-орденоносцев, депутатов в Верховный Совет СССР. Писатели — инженеры душ, граждане самой свободной, самой счастливой и самой интересной, замечательной страны земного шара.

Я — прежде всего слуга народа и по первому его зову отдаю свою жизнь за счастье трудящихся нашей родины.

Наша страна могла и несокрушима. Братская дружба народов СССР — результат гениальной ленинско-сталинской национальной политики — сплотила Советский Союз в монолитное мощное государство, которое является надежной трудящихся всего мира, маяком для угнетенных всех стран.

Громадные победы социализма на шестой части земного шара. Но борьба еще не кончена. Вот почему мы, депутаты Верховного Совета СССР, должны всемерно укреплять свою большевистскую бдительность, бороться с политической беспечностью и так метко и беспощадно уничтожать троцкистско-бухаринских, шпионских и иных гадов, чтобы никому не было повадно посягнуть на нашу счастливую жизнь, на плоды героического труда миллионов...

...Несколько часов начнется работа первой сессии Верховного Совета СССР. Через несколько часов я увижу Сталина — вождя и друга, наставника и учителя, отца и вдохновителя стахановского движения.

Ему — любимому, близкому, родному — в этот исторический день первый и памятный привет!

В. КАБАНОВ
Депутат Верховного Совета СССР.

Альбом «Депутаты Верховного Совета Союза ССР»

К открытию первой сессии Верховного Совета СССР Союз Советских депутатов выпускает альбом «Депутаты Верховного Совета Союза ССР».

В альбоме будет дано 30 автографов портретов депутатов. Альбом открывается портретами великого вождя, учителя и друга трудящихся Иосифа Виссарионовича Сталина и членов Политбюро ЦК ВКП(б).

Портреты исполнены художниками Н. И. Пискаревым, А. И. Кейль, А. М. Лоптевым, Е. О. Георгиевым, Саррой Шор, В. Г. Юнг, И. А. Соколовым, В. С. Влбиковым, В. В. Завьяловым, Ф. В. Смирновым, Н. А. Шевыряловым и другими.

Выходящий из печати альбом является первым выпуском серии альбомов, посвященных депутатам Верховного Совета СССР.

Художники — первой сессии

К открытию первой сессии Верховного Совета СССР Московский союз советских художников организует выставку, посвященную выборам в Верховный Совет СССР. На выставке будут даны зарисовки, сделанные художниками в дни выборов на избирательных участках и на предвыборных собраниях, а также портреты депутатов Верховного Совета СССР.

Всего будет представлено около 70 работ. На выставке примут участие художники С. В. Герасимов, М. С. Родманов, С. С. Боям, С. М. Шор, Н. М. Ромодан, Н. А. Швердяев, Н. Е. Лаптев, Е. О. Георгиев, П. А. Радимов, Н. П. Радин и другие.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ВАСИЛИЙ КАЗИН

Лирические стихи

Вдохновенье

У кого оно, быть может,
Ровно льющийся огонь.

С чувством пропаста, потеря
Сердце вскинется, вспыхнет.

Стрельцо бросится, запросит
Беспощадной тишины.

И с выпрыгиванием мальчишки,
Б л я щ и м л ю д я м н е п р и в ы к,

Кто в покое, в священности двери
Вдруг толкнется, заскрипит —

Низких грубостей безбрежность
Сыплется с пылом петуха,

Твой образ

Уж на что мой стих певуч и нежен,
Но и он, пожалуй, слишком груб.

И какое может вдохновенье
Уловить твой образ до конца!

Мне б такой удачи и не надо,
Я б и так растрогался до слез,

На тебя глядишь — не глядясь,
Есть ли что прекраснее того,

Ты

Не одна ты, стать моя, нежна.
Не одна прекрасна, дорогая.

У меня в бессонницах поет
Музыка влюбленности огромной.

Тот же первых полсвета звук,
Тот же приступ пламенной напасти.

Это, солнцем помыслов согрет,
Поглотил мечты мой, желая

Даже те же, те же без конца
Всплески слов о страдном счастье.

Как ты юных глаз своих ни шурь,
Прячься в тень застенчивости милой,

И признайся, вспомни давность дней:
Так ли уж беспомощным сиянья

Словно плоть эпохи предо мной.
Словно до безумья дорогую

Нет, не эта праздничная страсть
Все еще стыдящегося пыла

Потому так и люблю тебя!
Сам в тебе, как в родине, уверен,

Нет, не он, пленительный полет
Легкости твоей улыбки скромной

И душой к другим я не прошусь.
Только полон в помехах тобою,

Сын

Его лишь на день я покину —
Тревого голосом близка,

Куда-то солнце отступает,
И ветер пятится назад.

И так всем пламенем вскипает,
Что, властью ласкающее взгляд,

Не половец ли, не топот ли?
Од слоню мир залет подчас,

«Гранатометчики»

Рамон Диестро колчил университет и краткосрочные дипломатические курсы. Республиканская Испания посылает его на дипломатическую работу в одну из монархических стран Рамон отдал последние дни, посещая брата и друзей из ЦК Союза объединенной социалистической молодежи.

Офальмишко в Мадриде он изучает военную литературу и спешит на фронт, в свой родной батальон, куда возвращается уже в чине лейтенанта. Его взвод в составе батальона капитана Луканди штурмует высоту Сиерра Картахены. Воспитанник коммуниста-сталивера достоин своего учителя. Рамон Диестро назначается командиром батальона им. Фернандо де Росса.

В казармах Ла Монтанья засело 14 тысяч солдат во главе с мятежными офицерами. Их осаждает народ Мадрида, племя всего только 2 тысячи винтовок. Одна из винтовок в руках Рамона Диестро, осаждающего казармы Ла Монтанья бок-о-бок со своим братом Альберто и рабочими Мадрида. Народ разоружает фашистских изменников.

Где бы ни появились танки, батальон Рамона Диестро, вызванный по телефону, мчится туда на грузовиках. Пося каждого бойца ушейна гранатами. Хладнокровно подползая к себе танки, бойцы выводят из строя и взрывают стальные итальянские и германские машины.

Так начинается книга «Гранатометчики», выпущенная издательством «Молодая гвардия». Замечательная книга эта — описание боевых эпизодов из жизни Рамона Диестро, майора испанской республиканской армии, недавнего гостя Советских стран.

Майор Рамон уехал обратно в Испанию на фронт защищать демократию и свободу от фашизма, оставив на память советскому читателю «Гранатометчики» — волнующую историю жизни одного батальона храбрцев-республиканцев.

ГАБРИЛЬ

Книги на белорусском языке

Госиздат Белоруссии разработал тематический план изданий на 1938 год, превышающий на 40 процентов размеры фактически изданной литературы в прошлом году.

В частности, намечено издание стихов П. Тычина, поэмы о Кирове поэта М. Ваджана, стихов Дамаска, Судеймана Стальского, сборник стихов грузинских поэтов. Кроме того, на белорусском языке будут изданы произведения: А. Серафимовича — «Город в степи», В. Катаева — «Я сын трудового народа», книги И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» и «Золотой теленок», повесть А. Толстого «Хлеб» и другие.

Первое место в плане занимает учебно-методическая литература (120 названий). Значительно увеличивается выпуск иностранной и детской литературы. Издательство рассчитывает выпустить 237 названий книг для молодых читателей общим тиражом в 2 млн. экз.

Будет продолжен выпуск на белорусском языке полного собрания сочинения М. Горького, выходящего одноднемными Пушкина, Лермонтова, «Горы от ума» — Грибоедова, отдельные произведения Тургенева, Чехова, Достоевского, Короленко.

По разделу художественной литературы намечено издать свыше ста названий. Кроме произведений белорусских писателей и поэтов, будут выпущены переводы лучших произведений писателей братских народов СССР, современных русских писателей, классиков русской и западноевропейской литературы.

Антология русской поэзии

В Детиздате ЦК ВЛКСМ готовится к печати двутомная антология русской поэзии XVIII и XIX веков.

представлены Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Батюшков. Книга будет богато иллюстрирована портретами и рисунками.

Антология объединит произведения поэтов от Ломоносова и Державина до Апухтина и Надсона. Особенно широко будут

Конница Буденного (заставка к гл. 12)

Беседа тов. Ворошилова с Пархоменко (заставка к гл. 7).

Издательством «История гражданской войны» выпущено в свет 100-тысячным тиражом новое издание повести Алексея Николаевича Толстого «Хлеб» с иллюстрациями художника В. Щеглова.

Новые книги

150 тысяч экземпляров повести «Хлеб»

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). В конце января Лениностривал выпускает из печати одновременно два издания новой повести А. Н. Толстого «Хлеб»: одно издание вылет 100-тысячным тиражом (цена книги 2 р. 25 к.), тираж другого, художественно оформленного издания — 50 тысяч экземпляров (цена 4 руб. 50 к.).

«Песни и поэмы»

Сборник «Песни и поэмы» народного акына-орлеонца Дамаска на русском языке выпущен казахским издательством художественной литературы.

В сборник включено 35 песен, в том числе: «В мавзолее Ленина», «Я слышал Сталина», «Моя родина» и другие. Тираж сборника — 25 тыс. экземпляров.

«Детство на Негаданном»

Издательством «Советский писатель» олдана в производство первая книга повести о молодом человеке двадцатых годов — «Детство на Негаданном» В. Сайнова. Действие происходит на приисках Восточной Сибири в годы непосредственно предшествующие Великой социалистической революции.

«История западноевропейской литературы»

Гослитиздат выпускает третий, заключительный том труда Франца Шиллера «История западноевропейской литературы нового времени».

Третий том охватывает период новой истории от Парижской Коммуны до победы Великой социалистической революции. В книге даны обзоры и характеристики творчества крупнейших писателей Франции, Германии и Англии. Отдельные главы посвящены обзору и критике американской, бельгийской и итальянской литературы.

«История советского писателя»

Вышли книги: «Ваш покорный слуга» — повесть Ф. Скосырцева. Тираж 10 тыс. экз. Цена 4 руб.

«Идиллия и жизнь»

О стихах В. Стрельченко. Молодой талантливый поэт Стрельченко воспитан своим временем. Живые, оптимистические «стихи товарища» пронизаны чувством коллективизма, чувством общности поэта с людьми своей страны.

В стихах Стрельченко мы можем проследить рождение новых чувств социалистического человека — коллективизма, советского патриотизма, гуманизма. Почему же все-таки эти прекрасные чувства не нашли себе в «стихах товарища» того реалистического воплощения, какого мы вправе требовать от талантливого и своеобразного молодого поэта?

Грудью вскормленный и привыкший к труду, Ваш товарищ, Куда я без вас пойду? так обращается поэт к людям СССР.

Он гремит о прекрасном, счастливом и здоровом поколении будущего, которое дует «по ветру порошка» и сожжет костыли. Он провидит необычайно пыльное, праздничное шествие человечества по «степи сильных сердец». Люди идут, прекрасные и сильные, держа в руках «двуязычные яблоки, розы и калачи».

Стрельченко во многом учится у Уитмена, меньше — у Маяковского. Когда в стихотворении «Огороднику» читает строки о том, что поэт «всегда дрожал над растением», у которого природа с «великим терпением» вырезала каждый листок, невольно вспоминаешь уитменовское «Л верю, что

Г. ПОЛТАНОВ

Две повести Льва Никулина

Лев Никулин — увлекательный рассказчик. Его произведения всегда интересно читать. Дорожа вниманием читателя, он никогда не заставляет его испытывать скуку. Уменьше Льва Никулина увлекательно повествовать привлекало к нему внимание даже в ту относительно далекую пору, когда он писал авантюрные романы и, будучи, так сказать, в стороне от главной магистрали литературы, завоевывал себе «славу» советского Венуа.

Потом Никулин поселился, в лучшем смысле этого слова. Его «Время, пространство и движение», его книги об Испании и Турции были настоящими литературными явлениями. Успех этих книг был вполне заслуженным, но не всегда держал он высоко с таким трудом завоеванное звание. Мы видели, как он иногда срывался, печатая рассказы, огорчившие изысканной (внешней) парадностью, поверхностной разработкой тем.

Новая книга Льва Никулина состоит из двух повестей. В первой повести — «Московские ночи» автор рассказывает о кануне Октября в Москве. Это повествование о том, как доживали свои последние дни некоторые круги — буржуазно-либерально-богемные. Вторая повесть в основном посвящена теме долга советского гражданина. В ней проходит трагическая история дипломата Березина, бывшего казака и металлурга, а затем советского поэта, погибшего от белоэвардеевской пули в постеле одного захолустного европейского государства.

Прежде всего надо сказать, что обе повести, несмотря на немалое количество недостатков, читаются с интересом, а иногда и с волнением.

Вторая повесть — «Уста истинны» лучше первой, значительнее. Она лучше и органичнее хотя бы потому, что сюжет ее развивается более стройно, и ее композиция не столь мозаична, как в первой повести.

Однако и здесь вызывает удивление следующее обстоятельство. Мы знаем Льва Никулина, искусного рассказчика, мастера сюжета. Потому же он на этот раз оказался по отношению к своим героям неограниченно хозанном?

Он заставил двух человек сидеть на одном стуле, условно, да слишком условно (видны линии) соединив два совершенно несхожих и мешающих друг другу сюжета. Первая сюжет — история актёра, к которому пришла история о первом долгу патриота, советского рабочем, вынужденном для блага родины быть дипломатом и жить в окружении врагов. Автор устроил им случайную встречу в поезде, искусственно соединил их судьбы. Они вместе осматривают римские древности — и все! Ничто в повести не оправдывает их соединения, просто ходят рядом и разговаривают — более или менее интересно. Герои отомстили неограниченному автору. Обе истории оказались схожими. Вместо законченных характеров — черты характеров и вместо законченных коллизий — начатые и брошенные, недовершенные.

А фигура Ивана Даниловича могла бы получиться у Никулина очень интересной, яркой. Удачно наделены отдельные черты его характера сулят многое. Превосходен разговор советского дипломата с фашистским генералом. Вообщем видяшь, как тот, кто в годы войны защищал свою родину с пулеметной в руках, отстаивает ныне ее мощь и достоинство силой дипломатической науки. И видяшь разницу между дипломатом вообще и советским дипломатом, который менее всего дипломатизирует. Разве то, что мы, советские дипломаты, говорим на заседаниях конференций, на сессии Лиги наций, мы не можем говорить на любом рабочем собрании, в рабочем клубе или в заводских цехах?

Хороши описания и Рима, и Варшавы, и Святого града, хотя автор слишком усердно прибегает к цитатам. Но композиционный план повести сильно ее разрушает. Много лишнего, это недействующие герои, репортёры. Вдруг возникает летчик Бочаров и конструктор Степанов. Ничто не связывает их с сюжетом, с остальными лицами.

Детиздат ЦК ВЛКСМ выпустил первые четыре книжки новой серии «Для мальчишек»: «Сорока-ворона» с рисунками В. Тарасовой, «Ж и зац» братьев Гримм с рисунками В. Семеновой, «Колобок» и «Лисичка-сестричка» с рисунками К. Кузнецова. Каждая книжка издана в количестве 500 тысяч экземпляров.

В дальнейшем эта серия будет выходить миллионным тиражом; в ней будут лучшие сказки, рассказы и поэтические произведения для детей дошкольного возраста.

Библиотека для детей

Готовятся к печати: сказка «Теремок», «Пожарные собаки» и «Косточка» — Льва Толстого; «Что ни страница — то слон, дв львица» — В. Маяковского и его же «Гуляем»; «Детки в клетке», «О голубом мяшке» — С. Маршак; «Мой домик и телефон» — К. Чуковский; «Девочка чумава» — А. Барто, «Октябрьские стихи» — С. Михалкова, «1 мая» — В. Александровой и другие.

Автор охотно забывает их, так как ему совершенно нечего с ними делать. Автор хотел показать нам два типа дипломатов: подлинного большевика Березина и чиновного Цехановича, но и тут пошла ему вторая линия повести — Цеханович неосен, бледен. Пришлось прибегнуть к репортёрству. Иногда повесть сбивается на добротный очерк о Риме. Повторяя, описания большей частью хороши, но во многих случаях просто неуемны. Швы композиции расползаются на глазах у досуждого читателя. В разобранном виде, ослепленные автором, scenery представляли бы больший интерес.

И совсем уж грешен Никулин в первой повести — «Московские ночи». Как это случилось, что опытный литератор, показавший себя умелым организатором материала, вдруг оказался в полном подчинении у материала. Поистине «срваная» композиция! Невозможно запомнить всех героев, многие из них довольно оригинально выглядят сцену, на которой идет действие повести. О них можно сказать, что она падает в лок. Автор начинает со вступок рассказ о старой Москве, о Москве 1910 года. Он знакомит нас с героем, с бедным студентом, приехавшим «забивать» Москву. Кстати, эти участвовавшие в последнее время ссылки на бельзавского молодого человека, приехавшего из маленького городка в Париж, ссылки эти (да простит меня Лев Никулин) изрядно надоели. Итак, мы читаем добротное публицистическое описание интеллигентско-буржуазной Москвы 1910 года и следим за движением героя. Но вдруг он пропадает, и автор, даже для приличия, не вспоминает о нем. Такая быстрая и неоправданная расправа с начавшим двигаться по повести героем носит легкомысленный характер. Это тем более удивительно, что некоторые вещи забывчивый автор заставляет нас читать по два раза. Например, описывая сцену в ресторане, где тайно пьют коньяк, автор сообщает в скобках: «открыто было не продавалось». Правильно, в годы войны был сухой закон. Но почему напомнить молодому читателю. Но через несколько страниц другой персонаж тайно пьет тот же коньяк, и автор опять сообщает в скобках: «открыто, по случаю войны, вино не продавали».

В повести много интересных мелочей, есть хорошие отдельные новеллы и исторические анекдоты. Интересен рассказ о романтизме, убивавшем незнакомого вношу, чтобы быть арестованным и не поехать на фронт. Со вкусом рассказана жизнь желтого газетчика и спекулянта Густава Максимилиановича. О характере в этой повести говорить не приходится. Но черты характеров есть. Лучшие других удалось автору лить брызги, расуловившие и дурачить, завораживать, риториков и клубов, полудюшники. Большевики здесь — не более, как бледные тени, и упрек автора советской драматургии, где немало фальшивых, неудачливых современных героев, можно с успехом отнести к самому Никулину. Казаков, Редючкин — не что иное, как заматерелая и испуганная схема. Они говорят естественно, свободно, поступки их давно известны, плоскость осталась плоскостью, в глубь проникнуть автору не удалось. Нет, это не повесть о кануне Октября, это отдельные жареные сбитеньники из быта некоторых кругов общества старой Москвы. Тут и литературный клуб, и футуристский кабачок, и кое-какие уличные сценки. Никулин это знает, рассказывает об этом остро, увлекательно. В лучшей своей части повесть представляет собрание небольших памфлетов и, как я сказал уже, бытовых зарисовок. Все это объединено случайно, все отрывочно, в большинстве случаев материал интересен, но он нисколько не подчиняется автору.

К значительным достоинствам повести следует отнести ее настроение. Дух обреченности старой Москвы встает над ней. Жаль, что Никулин, задумав прекрасные сюжеты для обеих повестей, несколько поленился и недостаточно основательно накопленный им материал. Да, в книге местами чувствуется авторская лень, которую должен был преодолеть этот опытный, много поработавший и одаренный литератор.

Нужна ли мне ограда От всех моих друзей. Двери настезь — вот дозв Стрельченко. Но вместе с друзьями не может ли проникнуть в распахнутую дверь и враг?

Правда, Стрельченко неоднократно упоминает о врагах.

Это некие «силетники», «труссы», «жесты», у которых живут «привычные головы», это люди, награжденные Стрельченко рядом морально непривлекательных черт, — и только. Их характеристика звучит абстрактно и высокопарно, в условно-романтическом плане. О реальном политическом враге в книге есть одно только упоминание в стихотворении «Красному лву». Все мероприятия Стрельченко по отношению к враждебным явлениям носят негативный характер. Он не сядет за стол с врагом, он готов уползти в море, чтобы не встречаться с полюбившейся ему девушкой эмансипированного пошиба, он «глаза закрывает», чтобы не видеть череп и кости на «синей бутылке».

Положительные герои книга Стрельченко всегда «идут вперед», — и не ищите более конкретных указаний на их деятельность. Гуманизм Стрельченко зачастую оказывается выходящим и неопределяемым в своей романтической приподнятости. И вот, мероприятия Стрельченко по отношению к враждебным явлениям носят негативный характер. Он не сядет за стол с врагом, он готов уползти в море, чтобы не встречаться с полюбившейся ему девушкой эмансипированного пошиба, он «глаза закрывает», чтобы не видеть череп и костей на «синей бутылке».

Распыляемся по небу, Развив планету, На множество маленьких влюбных планет. Мир стихов Стрельченко зачастую кажется условным, слишком легким и благополучным. Не отсюда ли происходит односторонность стихов товарища Стрельченко? В них один и тот же условный идеалистический мир, один и те же люди и цветы, один и те же абстрактные люди. Характерно, что друзья, о которых так любит писать Стрельченко, сами в его стихах не говорят, хотя он и призывает их:

«явятся хочоца и говоря», но являются и пребывают они по большей части в лонном безмолвии. Только пенне птиц и шум листьев слышится в «стихах товарища».

Стрельченко редко и мало говорит о городе. Но если он его и упоминает, то читатель видит тихий, идеалистический приморский городок. Машина совершенно не допускается в условный рай Стрельченко. Если он и говорит об орудии труда, увеличивающем мощь его товарищей, то это немаленькое... лопата.

Между тем, в «стихах товарища» много воздуха, свежего ветра, солнечного света. Стрельченко любит писать о садах, о опялых яблоках, распухшей траве, шумящих листьях, колосьях, о голубом море. Он по-настоящему чувствует детали. Но самые пленительные детали не могут спасти целого, если оно отдалено от подлинной действительности во имя выдуманной идеалистики.

Стихи Стрельченко ритмически богаты. И все же в них есть односторонность, создаваемая односторонней интонацией. Поэт естественно и свободно переходит от четких классических ритмов к тоническому стиху, но временами, видимо, вспоминает волыный стих Уитмена и начинает писать нарочито неуклюжие вещи под прозу. Временами эта обобщенность стиха принимает характер литературного жанра.

Для того чтобы стать подлинным гуманистом, Стрельченко необходимо отказаться от легкого и удобного оптимизма человека, вычеркивающего из жизни все суровое и сложное, необходимо познать реального врага и реального друга, научиться ненавидеть, чтобы лучше суметь любить. Тогда образы его обретут плоть и кровь. Прекрасные яблоки и травы, наполняющие его стихи, став живыми, станут еще прекрасней. Сейчас же нет-нет и от них пахнет гербарием.

З. КЕДРИНА

ГОРЬКАЯ ДУМА
ОБ ОФОРМЛЕНИИ
«ДУМЫ ПРО ОПАНАСА»

Тысячи читателей с горькой обидой разглядывают иллюстрации к «Думе про Опанаса» в издании, недавно выпущенном Госиздатом.

Что общего между выхлещенными рисунками Тышлера и чеканными образами Багрицкого?

Произведение поэта художник почему-то характеризует прежде всего мельница. Мельница на обложке, мельница на фронтисписе — в обоих случаях в качестве основного объекта иллюстраций; мельница на двух из четырех иллюстраций в тексте.

Давно уже пора бы покончить с иллюстрациями «по поводу» текста, с иллюстрациями, для которых текст только трамплин для прыжка в свое собственное, подчас сомнительного качества, «впечатление». Иллюстратор должен дать оригинальный образ, по крайней мере разовещанный образу, созданному поэтом.

Разве крестик, изображенный художником (стр. 18), — Опанас Багрицкий? Художник не потрудился даже детально ознакомиться с текстом поэмы, или же сознательно не хотел с ним считаться.

У Багрицкого: «Опанас глядит картинной В папаче косматой»

У Тышлера (стр. 10) Опанас в шапке равнинского тина (очевидно потому, что «шуба с мертвого равнина под Гомелем снята»).

У Багрицкого: «Револьвер висит на цепке от винтика!» — У Тышлера на револьвер, а пистолет времен Запорожской сечи.

У Багрицкого: «Повернулся: — три патрона В обоях осталося...» — У Тышлера (стр. 12) Опанас стреляет из нага, где, как известно, никакой обоям нет.

Непривычно изображен комиссар Коган. Багрицкий дважды говорит, что Коган в очках («Поправляет окуляры, улыбаясь, Коган и «Попавшись за окуляры: колдун и пуго»). И совершенно неподобающе рисует стр. 18, где должен быть изображен Котковский. Разве худой, мятельный юноша с усами — комбриг Котковский? Мыслим хорошо помним портреты Котковского, чтобы верить Тышлеру.

У Багрицкого: «Обита красная фуражка На британн затылке» — У Тышлера — Котковский в красноармейском плаще и с поролодной шевелюрой.

Критика в свое время совершенно справедливо указала на глубочайшие формалистские увлечения Тышлера. А ведь одна из отличительных черт формализма — полнейшее пренебрежение к содержанию. И если иллюстрирование «Думы про Опанаса» было поручено Тышлеру, то издательство обязано было предъявить художнику такие требования, результаты которых были бы произведением изобразительного искусства, достойного творчества Багрицкого.

Этого мы, к сожалению, не видим.

Б. КИСИН

В ДОЛГУ ПЕРЕД ЧИТАТЕЛЕМ

Государственное издательство социально-экономической литературы (Соцэктоиз) вступило в 1938 год с большой задолженностью перед читателем. Издательство не справилось с задачами в области ограниченных задачам, какие оно поставило перед собой в годовом плане работ. Работает издательство прежними черепашьими темпами.

В 1937 г. издательский план предусматривал выпуск около 250 названий книг и брошюр по вопросам философии, экономики и истории. За первые три квартала 1937 г. издательство дало читателю лишь около 140 названий, причем некоторые книжки оказались негодными и были изъяты из обращения. Читатель не получил ряда произведений классиков философии, экономики и истории. Массовый читатель был также обслужен недостаточно.

В четвертом квартале издательство, правда, сделало в производстве значительно количество книг и брошюр, но вся эта литература, если и увидит свет, то лишь в середине или конце I квартала 1938 г.

Ленинградское отделение Союзкизгиза выпустило за год 12 названий, в числе которых 6 книжек были подготовлены к печати Государственной Академией истории материальной культуры. Среди работ, обещанных читателю, но не вышедших в свет, — «Атлас древнего Востока» Снегирева.

В 1938 г. Соцэктоиз должен не только покрыть свою задолженность, но и значительно пише развернуть работу. Недостаток литературы на книжном рынке вызван не только растущим спросом на книги, но и тем, что сами издательства не выполняют даже намеченных, весьма урезанных, планов.

Пора научиться строить совершенно реальные планы, основанные на учете условий: запросов читателя, запаса бумаги, условий типографской работы, финансовых возможностей. Руководителям издательства пора научиться держать свое слово.

Читатель Л. ПАНОВ

ЗАБЫТЫЕ УГОЛКИ

В Дмитровском краеведческом музее (Московская область) небольшой уголок отведен писателю С. П. Подъячеву. Здесь собраны литературные произведения покойного писателя: «Среди рабочих», «Моя жизнь», «В народной гуще» и др. На стенах несколько фотоснимков писателя, его рисунки, некоторые рукописи, отдельные документы, вещи из его рабочей комнаты.

Невольно возникает вопрос: почему союз советских писателей ни разу не заинтересовался содержанием уголка Подъячева в Дмитровском музее? Почему союз писателей не пришел, на помощь дмитровским краеведцам в их похвальной работе по сборнику материалов?

Неужели у союза писателей нет средств и квалифицированных работников для организации в том же Дмитровском музее уголка Подъячева, дающего полное представление о личности и творчестве писателя? Не надо создавать особый музей Подъячева, но существующий уголок надо сделать полным и содержательным.

В разработанных по всему необъятному Советскому Союзу краеведческих музеях собрано много интересных материалов о писателях — уроженцах и жителях данного края. Надо помочь краеведческим музеям в создании уголков писателей, подобно дмитровскому уголку Подъячева.

Нин. УШАТИКОВ

НЕКРАСОВСКИЕ ДНИ

Торжественное заседание Академии наук СССР

8 января в Доме ученых состоялось торжественное заседание Академии наук СССР, посвященное 60-летию со дня смерти великого русского поэта Н. А. Некрасова.

Президент Академии наук В. Л. Комаров в своем вступительном слове охарактеризовал роль поэта в классовых боях середины прошлого века. — Уже двадцать лет, — говорит В. Л. Комаров, — как исполнись предвидение Некрасова о грядущем революционном востановлении народа, выраженное им в словах «рвать подымается неисчислимая, сила в ней скажется несокрушимая». Несокрушимая сила народа успела создать великое социалистическое государство. Но это не значит, что уже для сегодняшних и завтрашних классовых боев поэзия Некрасова является потухшей. Сильная, мужественная, боевая, она продолжает звать вперед, к освобождению трудящихся всего мира.

По предложению В. Л. Комарова была почтена вставанием память великого поэта. С обширным докладом об историческом значении Некрасова выступил проф. П. И. Лебедев-Полянский. Он охарактеризовал Некрасова как поэта революционной демократии, певца крестьянской революции.

С докладом о Некрасове как художнике выступил К. И. Чуковский.

Остроумно сопоставляя стихи о железной дороге, написанные в разное время Шеншиным, Полонским, Фетом, кн. Вяземским и Некрасовым, докладчик ярко характеризует художественное своеобразие и социальную насыщенность некрасовской поэзии. Он показывает, как чутко Некрасов улавливает внутреннее эмоциональное звучание русской речи, как высоко поэтична и изощрена художественная форма некрасовского стиха, как единственен и неповторим в русской поэзии некрасовский голос.

Общественно-политический облик Некрасова был обрисован в докладе проф. В. Я. Кирпичникова «Жизнь и деятельность Некрасова». В частности, т. Кирпичников остановился на роли Некрасова как журналиста и редактора.

С. И.

Памяти великого поэта

Торжественный вечер, посвященный памяти Н. А. Некрасова, состоялся 10 января в Доме писателя.

В обширном докладе о жизни и деятельности великого поэта профессор В. Кирпичников обрисовал путь и устремления этого великого гражданина и демократа, борна за расширение русского народа и первого великого поэта нарождающегося пролетариата.

Некрасов — наш поэт в самом глубоком и большом смысле этого слова.

О Некрасове-художнике, об исключительном богатстве его лексикой, об экспрессивности его звукописи, о громадном эмоциональном напряжении его лирики говорил в своем докладе К. И. Чуковский.

Стихи Некрасова полны любви, боли и гнева. В его песнях звучат проклятия буржуазному миру и гимны грядущей революции.

Гениальность Некрасова в том, что для своего революционного поэзии он нашел замечательную художественную форму. В его стихах выражено полное слияние поэта с народом. Это новое качество сознания поэта определило и формальные достоинства его стиха.

Вечер закончился концертом из произведений Некрасова.

Выставка документов и рукописей

На выставке литературных фондов Московского государственного музея открыт отдел, посвященный великому народному поэту Н. А. Некрасову.

В специальных витринах представлен ряд рукописей — автографов поэта: «Кому на Руси жить хорошо», «Декабристы» и другие.

В витринах выставлены также документы биографического характера, коллекция портретов Н. А. Некрасова, его родных и близких, а также фотоснимки мест, связанных с именем Некрасова (его охотничья дача, дом, где он жил, и т. д.).

Особый раздел на выставке составляют иллюстрации к произведениям Некрасова. Они представляют особую интерес еще и потому, что многие иллюстрации были живо нарисованы парской цензурой и увидели свет в искаженном и урезанном виде.

Так, в рисунке к «Огороднику» работы Лебедева цензор вычеркнул нижнюю часть композиции, где изображена партия арендаторов. Цензура упустила в этом рисунке «крайне важную глубокую ролю и враждебности сословия». В рисунке к «Филантропу» цензура предложила уничтожить у филантропа в стихах пуговицы и попоны, а рисунки к стихам «Орина — мать солдатская» были вовсе запрещены, потому что цензура нашла «крайне неудобным так рельефно выставлять гибельные последствия военной службы».

Интересны представлены на выставке рисунки художника Б. Кустодиева к стихотворениям Некрасова «Мороз-Красный нос» и «Пчелы».

Здесь же выставлено духовное завещание, написанное поэтом в 1855 г. в Риме, и редкие книги Некрасова, изданные без разрешения цензуры. Среди этих аксиоматических особым интересом представляет глава из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», изданная под заглавием «Пир на весь мир». Эта глава была вырезана цензурой из журнала «Отечественные записки» за 1876 г. В 1879 г. она была издана нелегально, отдельным оттиском в «Петербургской вольной типографии».

Среди автографов Некрасова, представленных на выставке, есть рукописи стихотворения, читанного поэтом на обеде в честь артиста А. Е. Мартынова.

Музей Н. А. Некрасова

Ленинградский союз писателей обратился в Ленсовет с ходатайством о передаче квартиры, где жил Некрасов, Пушкинскому Дому Академии наук, с тем, чтобы в ней был устроен музей памяти великого народного поэта.

В этой квартире Некрасов прожил 20 лет — с 1857 до 1877 года. Тут же помещались редакция журналов «Современник» и «Отечественные записки».

Предметы обстановки последней квартиры Н. А. Некрасова — письменный стол, диван, кресла, курительный столик, чернильница — хранятся в музее Института литературы Академии наук.

Некрасовские дни в Москве. В читальном зале детской библиотеки им. Н. А. Некрасова (слева направо): Лена Циферова, Юра Смирнов и Надя Жукова (Сокофот).

Исторические панорамы Вс. Иванова

После «Ворошилы и 1912 года» (№ 205 «Известий») от 2 сентября 1937 г.) Всевод Иванов выступил недавно с притязанием еще на большую глубину и обобщение исторической панорамой «Красная площадь». Он заставляет вс историю России — от феодальной раздробленности до наших дней Великой Сталинской Конституции — тараторить по Красной площади. Задача сама по себе колоссальная, художественной проникновенности, талант громадной концентрации силы и величайшей скупости историка.

Понимается же пойдешь к этому новому произведению Вс. Иванова с элементарными критериями исторической достоверности. Вопрос этот далеко не праздный, так как в области исторического романа, повести и очерка перед советской художественной литературой стоит большая, серьезная и ответственная задача.

Многие наши писатели еще не умеют правильно оценить и понять важность истории и исторической художественной литературы для нашего просвещения и поднятия культуры народных масс. Они еще не умеют подходить к фактам истории с необходимым минимумом марксистской критики.

Исторические панорамы Вс. Иванова являются известным выражением наступления в последнее время поворота художественной литературы к историческим темам. Исторический очерк, как наиболее легкая форма исторического художественного творчества, завоевывает все большее место. Но все же нужно предостеречь против скороспелых очерковых произведений, порождающих неправильно и вредные установки.

Писателю эти строки уже пригодились высказываться по поводу оплошности очерка Вс. Иванова о «Ворошилы и 1912 года». Автор не сумел поднять тему патриотизма русского народа, столь ярко звучавшей в эпоху 1912 года. Отсюда вся

торые беззаботно громоздит в своем историческом «труд» Вс. Иванов. Эта черствость и полное пренебрежение к подлинной истории красной книги — прокладывает весь «труд» от первой до последней страницы. Например, Юрий Дождурский, ниоткуда сумняшся, именуется отцом Игоря Саулосавича, хотя почему-то не отчество его это обстоятельство явно не отразилось. О Степане Разине, казненном на Волотной площади, сообщается, что он был казнен на Красной площади. Мурлов — слово, означающее строитель здания, Вс. Иванов принимает за собственное имя и развязно пишет:

«Аристократ Феораенти, он же Мурлов, приехал в Москву, похвалил замечательный, но сказал, что строил все плохо». С мурлами, вообще, Вс. Иванову не везет, и он заставляет Растрелли, который, как известно, строил только в Ленинграде, построить в Москве дворец Иване Иоанновиче. Памятник Петру I Вс. Ивановым с такой же резкостью перенесен на Иоаннекеву площадь, где он никогда не стоял. «Красная площадь» полна фантастических преувеличений — на одной площадке 200 кабаков, во время гололовки царь Годунове погибает у него полмиллиона человек и т. д. Зачем-то выдумывается Мурларь, не существовавший тогда в Москве, туда же по капризу Вс. Иванова переносится Иоанновская колодезь.

«Кроме черкеш», — к удивлению читателя сообщает автор, — Аристократ или Пушкин, сопроводил князя в его поход по России Новгородом и выстроил там потонный мост через Волхов». Мы не собираемся полемизировать с высокой литературно-критической оценкой, данной «Красной площадью» Валентином Катаевым в последнем номере «Литературной газеты» от 5 января. Но, перефразируя заключительную часть его статьи, скажем, что приведенные нами выше моменты достаточно для того, чтобы убедиться, что ни в Ольгерд Скоттом, ни с Тарсом Бульбой новое произведение Вс. Иванова ничего общего не имеет.

Не счесть больших и малых ошибок, ко-

О статье

«Догма и творчество»

26 и 28 декабря 1937 г. на заседании бюро секции критиков совместно с активом была обсуждена редакционная статья «Литературная газета» «Догма и творчество». В прениях выступили т. т. Н. Берковский, Е. Гальперин, В. Тарасов, А. Гурвич, А. Гурвич, А. Дерман, Ф. Ленин, И. Нусинов, М. Серолянски, Ю. Соколов, У. Фохт, Ю. Ювановский и другие.

В итоге прений бюро и активом была единогласно принята следующая резолюция: «Бюро секции критиков совместно с активом, обсудив редакционную статью «Лит-

ературная газета», считают, что статья содержит в себе ряд теоретических неувязочек и политически безграмотных утверждений и дезориентирует читателей и работников литературы в отношении основных вопросов критики, теории и истории литературы.

Бюро секции предлагает членам секции выступить в печати с развернутой критикой этой статьи.

БЮРО И АКТИВ СЕКЦИИ КРИТИКОВ ССП

ОТ РЕДАКЦИИ

Говоря честно, приведенный выше группный протокол бюро секции критиков и весь шум по поводу статьи «Догма и творчество» были вызваны, в сущности, одной причиной: «Литературная газета» позволила себе некоторым образом «вышла» — сообщила во всеулышание, что есть у нас критики, которые плохо пишут.

Вот, товарищи председатели, секретари и все остальные члены бюро секции, — никакие протоколы не остаются нас отгораживать от критики, даже в тех случаях, когда ее объектом является критик.

В наши дни никому не удастся попытка защитить эфемерное право плохо писать, которое отбавляет за собой некоторые товарищи, «обожненные» читателем. Тем более, что механика такого рода защиты проста и традиционна. Достаточно написать о поэте, что он напечатал плохое стихотворение, как он ипорот «вамешаться в толгу», и уже оттуда раздается крик о предпринятии каких-то походов на поэзию, о гонимых поэтов, об уничтожении поэзии как таковой.

Достаточно написать о критике, к примеру о т. М. Розенталя, что некоторые статьи его сухи, абстрактны и далеки от живой литературной жизни, чтобы сразу же начали стигать силы для защиты от «похода на критика». Ну кого, в самом деле, эта навязанная демократия убедит в том, что бедн т. М. Розенталя могут быть приписаны советской критике в целом. Читатель немилосердно вмешается во все эти махинации. Он достаточно вынос для того, чтобы решить, какое стихотворение удачно, а какое неудачно, какая статья верна и какая ошибочна, как бы умело ни были скрыты их недостатки.

Бюро секции критиков считает «теоретически неубедительной и политически безграмотной» статью, в основе которой лежит следующее положение: — «Нам кажется, что можно было труд найти и еще не мало примеров того, как люди буквально захнут на сплошной методологической-критической работе. Все свои силы и знания они отдают исследованию очень серьезных литературно-теоретических проблем, но делают это так абстрактно, так сухо, что эти работы приносят весьма малую пользу нашей литературе, ее живому развитию и росту.

Следует напомнить этим товарищам замечательные слова Сталина: «Существует марксов догматический и марксов творческий. Я стою на почве последнего» («На пути к Октябрь», 2-е издание, 1925 г., стр. 109).

То, что работы ряда наших теоретиков страдают догматизмом, является бесспорным фактом. Нельзя двигать вперед дело марксистско-ленинской литературной теор-

рии, оставаясь на почве одних только голых рассуждений и методологических споров, кропотливо и бесцельно пересаживая философскую терминологию на литературные грядки.

Бюро секции критиков в своем групповом оповещении желает помешать «Литературной газете» в ее борьбе за творческое понимание марксизма-ленинизма в литературоведении, за приближение критики к литературе.

Мы должны также напомнить так называемым защитникам теории на бюро секции критиков слова товарища Сталина на первом всесоюзном совещании стхановцев: «Данные науки всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связь с практикой, с опытом, — какая же это наука?»

Напоминаем еще раз, что «Литературная газета» выступила за теорию, но против схоластики, за критику, но против плохих критиков, за страстную полемику, которая диктуется любовью к литературе, но против «длинной и неинтересной грызни со взаимным унижением в «переходах и недождержках», которая вызвана равнодушием к литературе.

Мы предлагаем бюро секции критиков от административных методов литературной полемики, которые применяются им в его протоколе.

«Бюро секции предлагает членам секции выступить в печати с развернутой критикой этой статьи» (имеется в виду «крамольная» статья «Догма и творчество»).

Видите, до чего договорились «справославничес!» Интересно было бы знать, в порядке какой это дисциплины советские критики обязаны выполнять приказания бюро, председателю которого по какому-то удивительному соображению является тот самый т. М. Розенталь, к которому в значительной степени была адресована статья «Догма и творчество» и который, очевидно, не был от нее в восторге.

Какими дисциплинарными взысканиями грозит бюро тем «исчестным» критикам, которые осмелятся думать не так, как т. Розенталь и его верные единомышленники вроде т. Нусинова?

Было бы хорошо, если бы вместо составления «развернутых документов» бюро занялось наконец самой обыкновенной самокритикой, столь принятой и распространенной в нашей стране.

Какие бы злобные протоколы ни составлялись, как бы ни старались загнать живое дело в засадебские рамки, — литература и литературная критика будут двигаться вперед, выражая вкус, мысли и желания народа.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО БЮРО СЕКЦИИ КРИТИКОВ

Я принадлежу к тем «крамольным» критикам, которые осмеляются не подчиняться циркулярному постановлению бюро секции критиков.

И в трудом представляю, какая это кара может постигнуть меня за столь дерзкий поступок. Возможно, бюро секции решит исключить меня из состава писателей или даже решить передать дело в милицию.

Уверен вас, товарищи из бюро, что руководящие критики через милицию будут совсем уже легко. Но это, конечно, шутка. А говоря серьезно, мне больно и стыдно, что в столь ответственный для каждого из нас, советских литераторов, момент ложное понятие о чести критического мудра может привести к столь позорным постановлениям.

О работе секции критиков нужно говорить всерьез, по-настоящему, по душам. Поезда социализма в нашей стране впервые в истории человечества создала условия для повседневного общения литератора с миллионами, с десятками миллионов людей.

Вовнякшее из народных глубин искусство стало народным достоянием. Это величайшее счастье для советского литератора, для каждого из нас, товарищи, но это ведь и величайшие обязанности.

Народ — самый лучший критик. Он вправе требовать от нас неустанного движения вперед. Советская критика сделала немало для пропаганды идей Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Она не плохо боролась с враждебными теориями.

Есть немало одаренных критиков, которые могут и будут хорошо работать. Но мы еще не работаем так, как этого требует от нас народ.

Советский читатель на нас в большой обиде, товарищи, и над этим надо всерьез, без ложного самолюбия правду говорить. Встрече редакция «Литературной газеты» читателя т. Юст призывает критиков не равняться на мелоча, а способствовать выработке мировоззрения по вопросам социалистической эстетики. Читатель предъявляет суровые требования критикам, потому что знание критика — это весьма ответственное звание.

Читатели и не думали выступать против критиков — подлинных ценителей и пропагандистов искусства. Они выступили против «спонсоров» между писателями и читателями, т. е. против людей, примазывавших к литературе. Только так надо понимать выступление этого читателя. И желание некоторых товарищей придраться чистоцерковному выступлению читателя какой-то злодейский смысл и обвинять его каким-то воображаемым «походом на критику» внушает мне серьезные опасения.

За последние годы после постановления ЦК от 23 апреля 1936 года немало по-настоящему хороших книг. Но почти нет у нас серьезных исследований, статей, монографий об этих книгах. К нашему стыду, мы не можем назвать ни одной книги о Михаиле Шолохове или о Владимире Маяковском, нет ни одной развернутой статьи об Алексее Толстом. А мало ли еще талантов в нашей стране!

Как часто происходит между журналистами заслоняла важнейшую задачу — писать для читателя и во имя читателя.

Надо честно сказать, что здоровое и справедливое недовольство писателей состоянием критики вызвано серьезными причинами. Я говорю не о тех писателях, которые мечтают иметь при себе домашнего критика и складные его рассматривают как литературного агента по распространению рекламы.

Я говорю о преобладающей большинстве советских писателей, для которых жить

— значит творить. Они хотят, чтобы критик страстно любил и ненавидел, чтобы критика волновала литературная судьба писателя.

Будем говорить откровенно, товарищи. Как часто критическая статья превращается в обвинительное заключение по делу писателя Иис, как часто за цитатами, примечаниями и комментариями исчезает живое литературное произведение.

Не потому ли так живучи в литературной среде установившиеся оценки и представления?

Блок коммунистов и беспартийных означает очень серьезный и глубокий поворот в литературе.

Это громаднейшее событие, рожденное жизнью, не нашло отражения в критических статьях.

Секция критиков, как и многие органы союза писателей, превращена в департамент по делам литературы, откуда время от времени раздаются циркулярные предписания.

Кто из нас приходит в секцию рассказывать о рождающемся замысле, о написанной статье, о случившейся неудаче?

Кто придет в секцию протестовать вольнолюбивый нас раскаян, восхитившее нас стихотворение?

Наша секция глубоко равнодушна к судьбе критиков. Принято говорить об их отставании. Но кто от кого отстает? Почему до сих пор не обсуждены интересные статьи Перцова «Личность и социалистическое дело»? Дельная статья М. Розенталя об эстетике Пеханова?

Почему в кандидатах союза до сих пор ходит А. Гурвич, борющийся против Кирпичникова в то время, как многие «признанные» критические мэтры писали в честь Кирпичникова хвалебные статьи?

За последний год вышло несколько книг критиков. Они не были обсуждены в секции. Кто это, как не величайшее равнодушие?

Есть, к примеру, статья литературовед М. Липшица. Он выпустил в 1935 г. книгу «Вопросы искусства и философии». В статье «Карт Маркс и вопросы искусства» Липшиц уверяет читателя, что его статья — попытка представить взгляды Маркса на общий ход исторического процесса с той стороны, с какой они до сих пор еще ни разу не излагались. До сих пор было известно, что взгляды Маркса на общий ход исторического процесса были развиты в классических трудах Ленина и Сталина. Липшиц, очевидно, думает иначе. Он провозглашает себя новатором. Но перечтите его статью. Он пишет о вопросах социалистической эстетики, с удивительным искусством обходя проблемы современной литературы, т. е. литературы эпохи социализма. Пересмотрев ли т. Липшиц свои взгляды? Нет. Критическая секция ничем не помогла т. Липшицу — бесспорно одаренному и замечательному человеку. Дорогие товарищи из бюро секции, давайте, наконец, что происходит в литературе!

Мы должны практически, на деле бороться за блок коммунистов и беспартийных. В своей работе мы отчитываемся перед всем советским народом, а вы действуете циркулярными.

Мне, в порядке секционной дисциплины, запрещено критиковать статьи председателей секции — т. Розенталя и, наоборот, вменяется в обязанность критиковать статью «Догма и творчество». Но даже всемогущее бюро секции не может запретить мне иметь собственное мнение.

Какое счастье, что сие от них не записит.

О. ВОЯТИНСКАЯ

В порядке обсуждения.

ТЕАТР - МУЗЫКА

«Броненосец Потемкин»

Героическое восстание матросов на военном корабле, броненосце «Потемкин Таврический» — один из главных эпизодов революционной борьбы в России. История этого восстания и судьба его героев, овеянных бессмертной славой, послужили материалом для создания новой оперы «Броненосец Потемкин».

Музыка оперы «Броненосец Потемкин» — прекрасные широкие хоры, лирические песни о ветре, о безымянных, о осязании эмоционально захватывают и слушаются с большим удовольствием.

Недостаточно разработаны либреттистом и композитором образы матросов. Исторический материал, которым располагали авторы оперы, давал возможность для создания ряда образов отважных революционеров-матросов, беспредельно преданных идее освобождения человечества.

Оркестр под руководством Мелик-Пашаева звучит очень хорошо, но недостатком композитора является то, что он не привнес оркестру ведущей роли.

В опере нет того музыкального потока, который должен вести за собой драматическое действие. Однако, несмотря на эти недостатки, опера волнует своим содержанием и целым рядом очень музыкальных картин.

ТИХОМ ХРЕННИКОВ

ЛАУРЕАТЫ ВСЕСОЮЗНОГО КОНКУРСА ПИАНИСТОВ 1938 г.

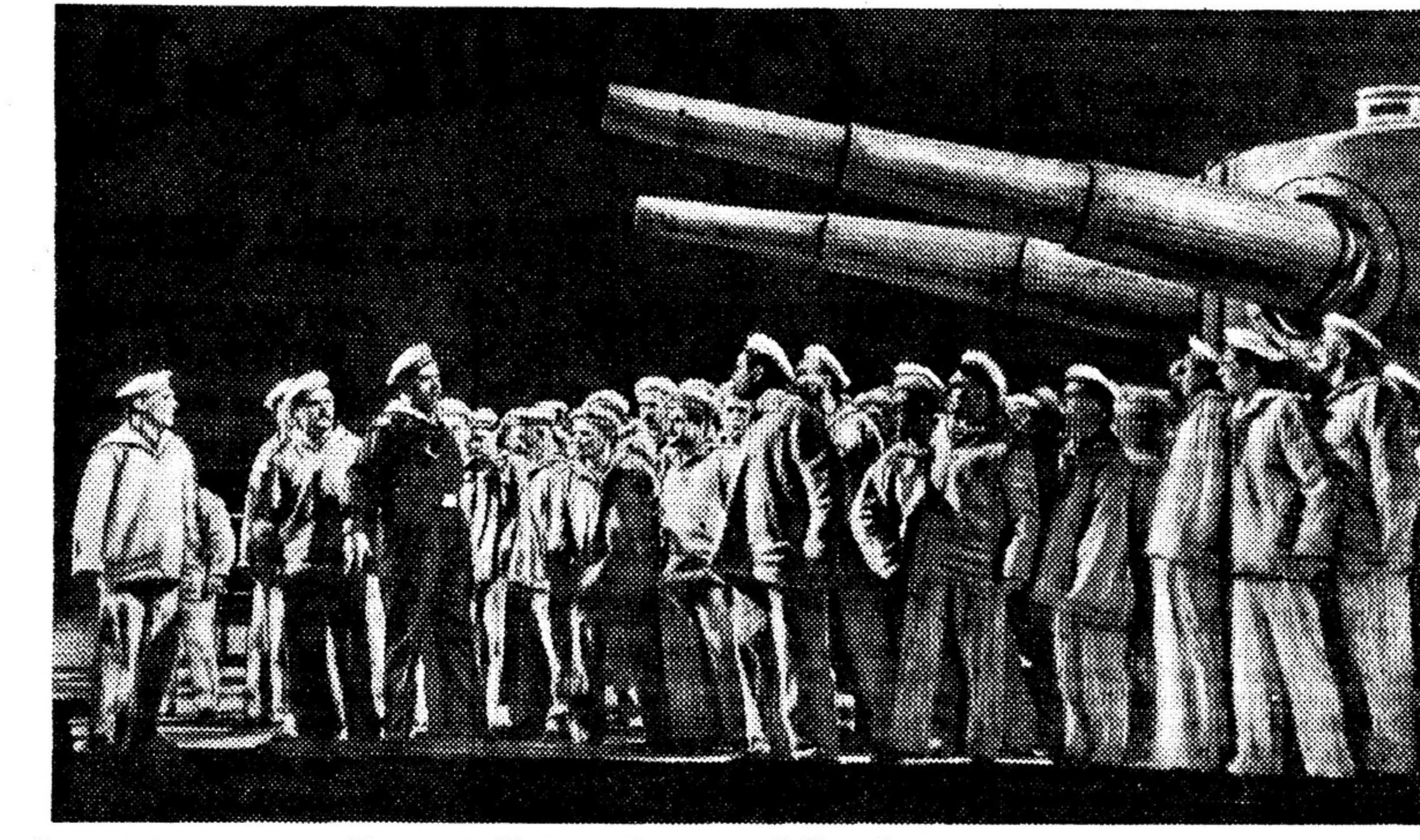
Заключился всесоюзный конкурс пианистов в январе в Большом зале Московской Консерватории состоялось торжественное заседание жюри конкурса, на котором были оглашены результаты музыкального соревнования.

Президиат жюри, народный артист РСФСР, орденносец профессор А. Б. Гольденвейзер вручил дипломы и премии лауреатам конкурса.

Первую премию в 10.000 рублей получил И. Михновский (Москва), две вторые премии по 8.000 рублей получили В. Нильсен (Ленинград) и А. Каплан (Москва). Всего объявлено 10 премий.

Участники конкурса послали приветственные телеграммы товарищам Сталину и Молотову.

После торжественного заседания состоялся большой концерт, в котором приняли участие все лауреаты.

Сцена из 2-го акта оперы «Броненосец Потемкин» (композитор О. Чипшко) в постановке Государственного театра Ленинградского Академического Большого театра СССР. Матрос Вакулинчук (народный артист СССР А. С. Пирогов) удерживает матросов от преждевременного восстания.

«Цыгань»

Новая постановка Московского государственного театра балета

Хореографическая поэма по Пушкину — так значится в либретто балета «Цыгань». Тема большая и ответственная.

Первый акт балета — это не по Пушкину. Первый акт сделали Мордвинков, Марков и Колфин. Либреттисты сохранили предостережение уходя Алекю в табор логическое объяснение. Для этой цели в сюжет введены дамы света и подруги, любовные интриги дамы света Алекю и князем и дамы полусвета — с гусярами.

Зритель терпеливо смотрит подобные «дополнения» к Пушкину, так как именно в первом акте очень красива музыка вальса, который изящно танцует А. Урусова (Дама).

Онакомившись с либретто, артисты знают, что «настоящий» Пушкин начнется со второго акта — встреча Алекю с Земфирой в таборе.

Земфире танцует М. С. Сорокина. Это бесспорно способная танцовщица с большими хореографическими данными. У нее есть техника, есть темперамент, гибкость, большое изящество, музыкальность. Но что сделал постановщик с пушкинским образом цыганки? В начале второго акта, когда Земфира приводит Алекю в табор, любовный дуэт Земфиры и Алекю выражается в танце. И вот по сцене в жеманных вариациях плывет на пуантах московская балерина, в которой единственные цыганские признаки — это коричневый грим и красная кофта с монистами. Имяные кор-де-бра сменяются турами. Затем пробег на ноотках вокруг сцены и поддержка с кавалером (он же Алекю). Опять кор-де-бра, арабеск вперед и назад.

Тот же самый танец, но исполненный без смуглого грима и в белой кофте с шелковыми турами, может быть с успехом поставлен в балет «Лебединое озеро» или «Спящая красавица».

И только неожиданно в третьей картине второго акта (Алекю среди цыган) мы на

несколько минут видим пушкинскую Земфиру, видим оживший образ страстной, горюющей цыганки, волнующей свое чувство в настоящей цыганской танец. Вот тут и постановщик и композитор, и исполнительница нашли нужный тон. Прекрасно исполненный и поставленный характерный цыганский танец Земфиры был единственным ярким, отрядным эпизодом. Массовые пляски цыган тусклы.

Цыганы начинают сразу лихо прыгать, хлестать кнутами. Танцы однообразны, похожи друг на друга.

Совершенно не использован пушкинский фон табора. А ведь какой богатый материал дает сам поэт для постановки! Обратимся к описанию Пушкинским табора:

Топла валит в дупсты равнинах. Осы в перекидных корзинах Детей играющих несут; Мужья и братья, жены, девы, И стар и млад вослед идут; Крик, шум, цыганские припевы. Медведя рея, его цепой Неприступные бранды, Лохмотьев ярких пестроты, Детей и старцев наготы, Собак и лай и завыванье, Волынки говор, скрип телег...

На сцене представлены два три табора, возле которых танцуют несколько чистеньких а ля цыганок в благообразных, приличных туалетах. И не в том еще беда, что это скучно! Главная порка балета кроется в отходе от пушкинского материала.

Зритель не увлечен спектаклем. Нет! Он просто видит, сколько тугов сделала Земфира Урусова, и какой прыжок сделала танцовщица Жолыская.

А в самой поэме так ярко живут Земфира и Алекю, так красочно дан окружающий их быт, что стоило только вынуть в пушкинский текст, чтобы воплотить его на сцене.

И тогда за советским балетом значилась бы новая крупная победа — хореографически ожившая поэма Пушкина.

МИРРА АЙЗЕН

Пятая симфония Шостаковича

29 января в Большом зале Московской Государственной филармонии впервые в Москве будет исполнена пятая симфония композитора Д. Д. Шостаковича.

В беседе с нашим корреспондентом Д. Шостакович заявил: — Мое новое произведение можно назвать лирико-героической симфонией. Ее основная идея — переживания человека и всечувствующий оптимизм. Мне хотелось показать в симфонии, как через ряд трагических конфликтов, большой внутренней душевной борьбы утверждается оптимизм как мировоззрение.

Некоторые товарищи при обсуждении симфонии в Ленинградском отделении Союза советских композиторов называли пятую симфонию автобиографическим произведением. Я считаю, что это определение в некоторой степени правильно. По-моему, во всяком художественном произведении есть черты биографичности. В любом произведении должен чувствоваться живой человек, автор. Плохо и скучно то произведение, в котором не виден его создатель.

И поэтому всякая симфония, быть может характерная для моей творческой индивидуальности, вместе с тем не оторвана от эпизодов моей жизни.

Пятую симфонию исполняет государственный оркестр Союза ССР. Дирижирует заслуженный артист РСФСР А. Гаук.

В беседе с нашим корреспондентом он заявил: — Я нахожу, что это прекрасно оркестрованное произведение, созданное по образцу классических симфоний, полно яркого, светлого оптимизма. Меня глубоко захватила работа над симфонией, которую я считаю интереснейшим музыкальным произведением последнего времени.

ЛЕНИНГРАД. (наш корр.). Симфонический оркестр Ленинградской филармонии с огромным успехом исполняет новую 5-ю симфонию композитора Д. Шостаковича.

В Ленинградской филармонии эта симфония была исполнена уже четыре раза. Сейчас единственный экземпляр партитуры и полный рукописный текст для оркестра отправлены в Москву.

МАРИЯ БАБАНОВА

В 1919 году началась сценическая деятельность Марии Ивановны Бабановой. В то время, как возмал, здания театра Зона помещалась студия режиссера Комиссаржевского. Девушка давно мечтала о сцене и часто ходила в Художественный театр, где с благоговием смотрела постановки Станиславского. Так неарно формировалась ее талант. Одна Мария Бабанова колебалась, — идти ли ей на сцену. Она много сомневалась и подолгу обдумывала свое решение. Но тут помог случай, которому суждено было произвестись, как говорится, решительный поворот в ее судьбе. Как-то она отлучилась в одном доме, где гостила была известная актриса Грановская. Услышав голос Бабановой, Грановская повернула голову, внимательно всматриваясь в белокожую, как идиллическая пастушка, девушку. Затем известная актриса произнесла в пространство: «С таким голосом надо идти на сцену...»

Ныне известная актриса Бабанова часто вспоминает об этой реплике. Значительней всего было то, что слова эти произнесла Грановская — актриса, которую больше всех любила вная Бабанова и которую она и по сей день чтит и любит больше всех русских актрис.

И действительно о голосе Бабановой можно сказать многое. Внутренняя работа актера не видна зрителю, и у него есть три посредника, три элемента, чтобы передать нам свои чувства, чтобы оформить образ. Эти три посредника, три элемента суть: голос, мимика, жест. Благозвучный голос — такая же дар природы, как и физическая красота человека, и вепдаром, услышавшая иногда на улице такой голос, оборачивавшаяся, как при встрече с красавицей. Есть голоса-уроды, голоса-посредственности и голоса-красавицы. Есть голоса однообразные, как звук дерева, и голоса-оркестры.

Нередко актер разговаривает на сцене чисто и благозвучно, и его грудная клетка ничего не ворует у его языка и неба, но во все время чувствуете то напряжение, которое испытывает и актер. Вы видите, как он руководит процессом разговора, и это так же неприятно, как видеть в книге, как она писалась. Короче говоря, вы видите швы звуков, как там вы видели швы слов. Это неприятно, потому что это неестественно. И как бы темперамент не был актер, сколько бы ума и такта ни вкладывал он в свою роль, неестественный, напряженный голос губит его замысел. Мы неизбежно чувствуем фальшь.

Удивительная вещь! Давно забыты про-

вичинальные трагик, и театр далеко ушел от холодного ложноклассицизма, воздуду возмездная о своем реализме, и все же неестественная и, в сущности, та же театральное-художественная речь актеров — продолжая и в провинции, так и в Москве. Поездуйте, как манерно, как декантски, насколько разговаривают многие актеры Камерного театра.

Голос актера — один из проводников его замысла, его душевной работы, его темперамента и мировоззрения, и если голос фальшив, напряжен и вынужден, то и замысел актера перестает быть реалистичным. У Бабановой — музыкальный голос, и каждая произнесенная ею на сцене фраза звучит, как законченная мелодическая строка, мы каждый звук видим как бы оторванным в особый цвет. Обладая таким хорошим сценическим орудием, Бабанова может легко передавать самые сложные человеческие чувства. На балконе стоит шестнадцатилетняя девушка, а ввизу — любящий ее и недостойный Ромео. Щедрым обычно на слова Шекспира сделал сцену у балкона сдержанной. Это не любовь на свободе, раскованная и торжествующая, это ее зарождающееся. Здесь актрисе необходимо стремиться к сценическому лаконизму, иначе она провалит и любовь шестнадцатилетней девушки и неломудренную поэзию Шекспира. Здесь каждое слово — не только провод для передачи силы электричества, оно само — электрическая сила. А зритель, чтобы поверить в любовь Ромео, должен услышать слова Джульетты так, как их слышал Ромео. Для иллюстрации многоцветного и полифонического голоса Бабановой я приведу всего один краткий пример. Склонившись к юноше, она произносит: «Ромео! Голос прозвучал, как законченная мелодия. Он явился как бы звуковым отображением женственности, и вместе с тем вы почувствовали, что это говорит подруга, еще не перешагнувшая порога детского мира. И еще мы почувствовали, что в этом имени для нее все, и за Ромео она отдала свою жизнь. Этому поручу некоторая решительность, которую мы учили в ее голосе, но конфликт еще не нагнал, мы услышали в ее голосе и робость, боязнь родителей и общества, и страх перед вековой враждой двух семей. Проникновение в душу героя и чувство меры — все было в этом слове. Голос оказался отличным проводником сердца. Однако не скажем этого же о жесте. Чувство меры тут изменило Бабановой, была какая-то ненужная суета в ее безбалке по балконе. Впрочем, виной этому, — порочный метод некоторых наших театров, где слишком много бегает и суетятся и где забыто отличное заречение Анатоля Франса, что страсть нельзя заменять суетливостью. Бабанова долго и напрасно поклонялась тому методу, о котором я скажу позднее, несмотря на то,

что ее талант находился в полном противоречии с этим методом.

Я говорил о театральной Москве 1919 года. И тогда у нас были замечательные театры вроде Художественного, Малого и других, но всем было хорошо виден тот разлад, который существовал между тем, что происходило на сценах этих театров, и тем, что происходило в стране. Многим казалось смешным то трагическое, что разыгрывалось на сцене. Революция вырвала пропасть между двумя мирами, и те люди на сцене и те их страсти казались чуждыми и слишком далекими. Даже не другое столетие, а другая эра. Ученица театральной школы М. И. Бабанова жила воздухом революции, и ей показались, что идти по путем Художественного театра — это значит быть реакционером. Она поверила тем анархистующим экспериментаторам, которые кричали, что метод Художественного театра — эта реакция и что его нужно взорвать, разрушить.

Юная Бабанова начала свою работу в театре, где все было объявлено отжившим; и сцена, и декорации, и театральные костюмы, и даже переживания актера. Вместо декораций — какие-то уродливые и бесцветные сооружения, вместо костюмов — унылая провозделка, вместо переживаний — второсортная акробатика. Случай с Бабановой заставил вспомнить библейский рассказ о Балааме, захватившем проклясть народ, но вместо этого благословившем его. Такова природа таланта. Бабанова, варирующая в соку театральное анархизма, отрицала переживания актера, но талант, как говорится, браб свое, и она отлично переживала. Она пришла в «Великодушном рококо» в этой довольно неприятной постановке, которая прозвучала со сцены как офицерский анекдот. Какой-то фарс Сабурова не колесил! Но, несмотря на то, что Бабанова очевидно сочувствовала анархической распушенности этого спектакля, она все же создала нежный, женственный образ.

Художнику необходим объективизм, он не только участник, но и судья, летописец. Не беспристрастное свидетельство, но объективный участник. Это следует подчеркнуть во избежание всяческих недоразумений.

Бабанова играет значную даму в эпизод, остроумной и удивительно далекой пьесе Лопе де Вега «Собака на сене». Что же, она показывает нам, как много может она сделать, когда получает хорошую роль. Казалось бы, что приятного в этой суетской даме, которую Лопе де Вега наделил и суетской ограниченностью и пугловатими капризами. Но Бабанова увидела в ней то, что и должна была увидеть актриса с чутким и талантом. Она увидела в ней прежде всего женщину, которая сильно любит и хочет быть любимой. В роли Дианы есть соблазн. Здесь было учтено образом некоей гнилушечной дамы, пугловатой, но милой, этойкой симпатичной бестии. Так же часто и трактовали на сцене. Какой же она получилась у Бабановой?

Я приведу пример из химии, который должен ответить на многие могущие возникнуть возражения. Я предлагаю готовые упрек опытных театральны критиков. Бабанова, скажут они, остановилась в своем росте, ее инфантильность здесь уже неуместна, ей надо идти дальше, а она стоит на месте.

В химии обычно такое явление. Есть вещества, которые способны реагировать друг с другом. Они называются катализаторами. Катализатор не улучшает или обогащает какое-нибудь вещество, — он его изменяет, превращает. Так, катализатор, введенный в спирт, превращает его в дивинил, то есть жидкий каучук. Превращение спирта в каучук — вот могущее действие катализатора, и на этом основано производство синтетического каучука. Да, у Бабановой сохранились не детскость, но детскость эта в роли Дианы и была тем катализатором, который превратил неприятный образ в приятный, явление отрицательное — в явление положительное. Мне опять могут возражать, что мой ответ является не более, как ловкостью рук. На это я отвечу, что прав тот критик, который требует от литератора и актера развития, движения вперед, но неправ тот, кто сетует на то, что литератор или актер остался таким же, не изменив, не ушел от себя. Если мы ценим в нем его индивидуальность, то неслело требовать изменения этой индивидуальности.

Наоборот, нередко художники постигают совсем другая беда. Иногда художник терлет себя. Так, встречаем мы литератора с одной книжкой и актеров с одной ролью. Предъявив миру свое дарование, Бабанова показала, что она и сохраняет его и развивает. Все строже жест, все выразительней мимика, и попрежнему крик и звонк металл ее обаятельного голоса.

Большой вопрос

По поводу статьи «Расточители из Гослитиздата»

Статья «Расточители из Гослитиздата», напечатанная в новом номере «Литературной газеты», вызвала в писательской среде живейший отклик. Естественно, что писателям, фамилии которых в этой статье упомянуты, она не понравилась. Они чувствуют себя обиженными, пишут жалобы и ищут защиты. Между тем, эти товарищи напрасно считают, что статья имела своей целью выставить их в нехорошем свете, как-то бесприлично очернить их, унизить или умалить их значение. То, что произошло в Гослитиздате гораздо серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Цель статьи — не очернить отдельных товарищей, а на их примере поставить точный диагноз той застарелой болезни, которой заражал писательскую среду расточительство Накоряков, раз навсегда изгнать эту болезнь из творческого, в сущности, писательского организма.

Товарищей, упомянутых в статье, коробит странное и небывалое доселе сочетание имен. Действительно, это непохоже ни на одну из привычных писательского глаза «обойм». Да, «Обойма» составлялась не в результате каких-то интриг и групповых соображений, а просто в результате ревизии Гослитиздата, произведенной Наркомфином. Так что никакие тайные дружки здесь не шиты. Их нет. Есть факты. Может быть очень неприятные, но факты.

С глубокой болью мы видели на ряду с проходившими и жуликами фамилии авторов, которых мы искренно уважаем и любим. Мы совершили бы подлость, если бы вычеркнули из статьи, составленной по материалам ревизии Наркомфина, фамилии людей, творчество которых мы ценим. Это было бы несправедливо. Мало того, это шло бы в разрез с поллиной большевистскими принципами критики «не взирая на лица».

Или мне доказывать, что упоминание уважаемых нами товарищей в статье «Расточители из Гослитиздата» вовсе не клонится к уничтожению этих товарищей, так же как операция, иногда очень болезненная, производится не для того, чтобы убит больного, а как можно скорее излечить его.

Статья «Расточители из Гослитиздата», являющаяся репортажным отчетом о выводах комиссии Наркомфина, может послужить прекрасным материалом для серьезного обсуждения целого ряда важнейших вопросов, тесно связанных с нашей повседневной литературной жизнью.

Ни в одной стране мира писатели не пользуются в таком пресловутом материальном положении, как в нашей стране. Это не пустые слова. Это общезвестная истина: громадное большинство иностранных писателей мечутся в поисках издателя, оплата их труда зависит исключительно от тиража книги, а тиражи, как правило, чрезвычайно малы и только в редчайших случаях превышают три-четыре тысячи экземпляров. Даже в такой стране, как Соединенные Штаты, писатели не могут существовать на гонорар со своих книг, а принуждены искать заработка на стороне. Что касается поэтов, то тиражи их книг исчисляются не тысячами, а всего лишь сотнями. Писание стихов — это роскошь, доступная только состоятельным людям.

Нечего доказывать, что условия жизни иностранных писателей не могут идти ни в какое сравнение с теми материальными условиями, в которых находятся писатели Советского Союза. Благодаря заботам партии и правительства писатели имеют хорошие квартиры, дажи, бесплатную медицинскую помощь, возможность периодически есть в доме отдыха, санатории и оздоровительные творческие дома, где они получают отдельные комнаты, отличное питание и полный покой.

Советский писатель не знает, что такое мучительные поиски издателя. Его книги издаются громадными тиражами. Он получает полностью гонорар за весь, обусловленный договором тираж книги, совершенно не думая о том, разойдется книга или нет. Книга наши писатели рассказывают об условиях своей жизни иностранным коллегам, те, обычно, не верят, что на свете могут существовать такие условия.

Тем более нетерпимо этакое богемное отношение к деньгам, которое проявляют некоторые товарищи, не выполняющие в срок свои договоры и позволяющие себе брать деньги, даже не думая их погашать материалом. Деньги, мол, превратный металл, и ничего в них не смысле («я поэт, а деньги — это пошлая проза» или: «я мастер прозы, а деньги — это поэзия торгашей»), да и деньги эти, в сущности, ничьи. Поэтому и церемониться с ними нечего! А между тем, деньги — это народный труд, а том числе и труд подавляющего большинства писателей, которые выполняют свои обязательства перед читателем, выпуская в свет новые произведения, и перед издательством, аккуратно и в срок выполняя взятые на себя обязательства.

Легкомысленное отношение к деньгам есть не что иное, как легкомысленное отношение к своему труду.

Но дело, разумеется, не только в деньгах. И указанные в статье товарищи (мы, конечно, имеем в виду не «благотетеля» Накорякова и не благоделительствованных им проходимцев и врагов народа) — хотя и несут известную моральную ответственность, но являются не столько виновниками, сколько жертвами тех неадекватных отношений, которые установились в издательском деле. Тут надо оставить рапповщины, то-есть то время, когда здоровые мордастые тунеядцы жили на положении как бы инвалидов, жили на полном иждивении только потому, что были ползаны какой-нибудь лже-литературной группой или группкой. Они не жалели голосовых связок, чтобы петь псалмы в честь всяческих авербахов и киршинов, но уж зато и «слова» о них заботились. Они стилизируют, знают, какую галиматью они ни накропят, «всемогущие» друзья и товарищи издателя. Напугив издателя записоч-

ку, позвонят по телефончику, и всячески «Человек, меняющая кожу» будут заданы в сотнях тысяч экземпляров.

Это был настоящий духовный развал. Как хорошо, что с ним раз и навсегда покончили! Но инерция рапповщины все еще существует, и об этом нельзя забывать ни на минуту. Было бы крайней близорукостью все происшедшее в Гослитиздате объяснить чисто финансовыми обстоятельствами. Мы еще раз подчеркнем, что многие достойные товарищи писатели, как говорится, «вклипи» в это нехорошее дело не столько по своей вине, сколько потому, что притерпелись к этой рапповской инерции, поверили в силу рапповских способов работы, приносили слишком большое значение авторскому звонку, звонку по телефону и всяческим ходатайствам, считали, что хорошие отношения важнее собственной подноги под гонораром, слишком привыкли к роли протектелей и отыскили от роли писателей.

Была и такая беда. Писатель попадал по каким-либо групповым соображениям в один ряд с другими, более талантливыми, чем он, писателями — иногда потому, что был членом какой-нибудь комиссии, как они, и поэтому привыкал к тому же материальному уровню, что и они. Не давали его так же интенсивно, как и талантливого писателя, писали о нем восторженные рецензии, брали интервью, печатали портреты. Что тут удивительного, что в конце концов он начинал серьезно верить в собственную гениальность. И вот теперь он страшно поражен, что уже не получает таких денег, как раньше. Он не понимает и не хочет понять, что материальные блага распределяются у нас по труду, по объему его труда и по качеству его, что протекция кончилась, что к коммунизму приведет нас не обаячка, когда, не сделав ничего путного, человек ложится почивать, подложив под голову два кила чужих трудов, а старожанские методы работы, когда человек отдает делу социализма всего себя, всю свою силу, все свое умение.

Вот и превращается не понимающий этого писатель в ревностного клиента всяческих «благотворителей» типа Накорякова.

Очень важно подчеркнуть, что поднятые нами вопросы ни в какой степени не направлены к тому, чтобы ухудшить материальное положение писателей. Наоборот. Борьба с накоряковской «благотворительностью», с остатками рапповских методов издательской работы должна повести к дальнейшему улучшению жизни и быта писателей. Нет, например, ничего глупее, чем огульское отправление денег пережданной только лишь в том, какие книги печатались. Гонорар за пережидания — вполне разумная и естественная форма оплаты писательского труда. Но не всякий писатель может претендовать на бесконечные пережидания. Все зависит от таланта. Есть книги, которые выдержали испытание временем, пережили целое десятилетие и до сих пор являются любимыми книгами читателей. Иные же, которые, хотя и были пережиданы еще десять лет, а может быть даже и пятьдесят лет. Ну, что же, тем лучше для писателя, написавших эти книги. Ведь т. Гудов, выработавший недавно девять тысяч пятнадцать пролетов нормы, заработал за 3 часа 85 минут больше тысячи рублей. Честно ему и слава! Однако, есть книги, и непохожие книги, для которых хватит пяти или трех или даже двух изданий. И так как бесконечное пережидание не дозволено и не может касаться большинства существующих книг, необходимо значительно увеличить авторский гонорар за новые рукописи. Он слишком мал. Накоряков, занимавшийся благотворительностью, не подумал об этой простой вещи. Если писатель в среднем может выработать один печатный лист в месяц, полустойная оплата от 500 до 800 рублей крайне мала. Да и, кроме того, существует обезличка. Начинающий писатель получает почти столько же, сколько и опытный, признанный мастер. И если 500—800 рублей — гонорар, достаточный для пережиданий, для новых произведений его следовало бы значительно увеличивать.

Смехотворно низок посточный гонорар за поэтические произведения. Нет ничего удивительного в том, что поэты предпочитают громаднейшие, пухлякские поэмы небольшим стихотворениям. Ведь, согласитесь, что сидеть неделю над престланым лирическим стихотворением в двадцать строк, чтобы получить за него 38 рублей — в этот шаг трудно решиться даже в момент наивысшего вдохновения, и если поэты все же пишут короткие лирические стихи, — то это следует отнести на счет их антузиазма.

Все это очень серьезные вопросы. Нам кажется, они несомненно вызовут отклик писателей. Во всяком случае, мы к ним еще вернемся.

В заключение необходимо отметить две серьезные ошибки в статье «Расточители из Гослитиздата».

1. Относительно поэмы т. Сельвинского «Человек, меняющая кожу», что он «сидит и видит свет». В статье, основываясь на фактических материалах, такого рода прогном бездоказательны и поэтому неуместны.

2. Относительно группы критиков, получавших в Гослитиздате «стипендия», сказано: «Не это ли содействовало творчеству содействовало тому, что огромное количество дрянных и серых книг, выпущенных Гослитиздатом, не было замечено критиками-стипендиатами?» Это было сказано чрезвычайно грубо. И хотя факты (неосторожность опыта раздачи стипендий и наличие большого количества непроцензурированных дрянных и серых книг, выпущенных Гослитиздатом), не вызывают сомнений, самый тон, допускающий обвинять для товарищей критиков толкования, затеянная сущность дела и вызывает их справедливую негодовость.

МУЗЕЙ В. И. ЛЕНИНА В ЛЕНИНСКИЕ ДНИ

К 14-летию смерти гения пролетарской революции музей В. И. Ленина пополняется новыми экспонатами.

В залах, посвященных 1920—22 годам, будут выставлены новые документы, характеризующие обстановку этой эпохи. В этих документах В. И. Ленин дает жесткие директивы о беспощадном подавлении врагов народа, загворщиков, контрреволюционеров. Документы показывают, как организовал Ленин борьбу с кронштадтским мятежом.

В залах музея будут размещены новые картины из жизни Владимира Ильича и его новые портреты. Посетители музея увидят картину худ. Рылова «Переправа В. И. Ленина через Финский залив» (вторая эмаль), картину худ. Тютюкова «Ленин и Крупская в сабарской охотке», портрет

В. И. Ленина в 90-х годах работы худ. Катмана.

В одном из залов выставляются работы художника Вуклова «Чукотская легенда о Ленине». Художник, оам по национальности чукча, наобразил в многочисленных рисунках Владимира Ильича среди чукчей.

Рисунки эти впоследствии будут перенесены на моржовую кость.

9.500.000 томов сочинений Ленина

Ленинградская типография «Печатный двор» им. А. М. Горького заканчивает печатание третьего дополнительного тиража собрания сочинений В. И. Ленина в количестве двух с половиной миллионов экземпляров. С 1 августа 1934 г. по 1 января 1935 г. типография отпечатала более 9 с

половиной миллионов книг В. И. Ленина. Ленинградское правительство Партизлата, под руководством которого производится работа, подготавливает к печати 30 томов сочинений В. И. Ленина (третье издание) общим тиражом в 250 тысяч экземпляров.

Литературная жизнь фабрик и заводов

Мы за серьезную работу

Отклики на статью А. Серафимовича «Растить молодежь»

Жизнь и учеба литературной молодежи у нас организована неправильно. Хороший, литературно грамотный руководитель, любящий свое дело и болельщик за него, в литкружке — редкость.

Почему совершенно прав писатель А. Серафимович, поставивший в своей хорошей статье «Растить молодежь» вопрос о руководителех литкружков.

Завод ЦИАМ, Москва. Ник. АНИКИН

Трудности у начинающих авторов огромны. Молодежь прежде всего сталкивается с литконсультацией.

Константиновка, Донбасс. Еф. ПЕТРУШЕНКО

Литературный кружок «Вальцовка» считает статью А. Серафимовича о воспитании талантливой литературной молодежи своевременной.

Нам дорог голос настоящего писателя, болеющего за воспитание молодых кадров, за хорошее улучшение руководства ими.

Автор особенно прав, когда пишет, что советские писатели должны читать свои произведения в литературных кружках, зная, что здесь они встретят квалифицированную рабочую аудиторию.

Нам, литкружковцам завода «Серп и молот», никогда не забыть горячих и интересных споров вокруг романа А. Авдеева «Я люблю». Ведь тогда была еще в рукописи.

А какую замечательную пользу это обсуждение принесло нам. Мы познакомились буквально с каждой страницей романа, проследили за ростом и борьбой героев, за развитием и построением сюжета.

Такие же интересные встречи, привлекающие к нам на занятия массу читателей и работников, были у нас с поэтами Вл. Луговским, И. Сельвинским.

Литкружкам нужно чаще устраивать такие встречи, а писателям и поэтам нужно быть отзывчивыми и чуткими по отношению к литкружковцам.

Но самый большой вопрос, который был затронут в статье А. Серафимовича, это вопрос о наших руководителях. Далеко за примерами идти не придется. Одно время нашим литкружком руководил А. Иванов.

Этот горе-руководитель дошел до того, что превращал каждое занятие в сплошные нудные, никому не нужные разговоры. Кружковцы уходили с занятий, не дожидаясь окончания их. О каком культурном и творческом росте литкружковцев можно говорить после этого?

Нужно как можно скорее, не на словах, а на деле, по-настоящему, наладить учебу в рабочих литературных кружках.

Староста литкружка «Вальцовка» А. ФИЛАТОВ

На московских заводах

Литкружковцы и активные читатели библиотек московского завода «Серп и молот» отметили неслыханные дни проведения в цехах завода бесед о жизни и творчестве Н. А. Некрасова, громких читок произведений великого русского поэта.

При заводе им. Горького есть амальгамный клуб, в нем множество самых разнообразных кружков художественной самодеятельности.

Н. НИКОЛАЕВ

ПОДГОТОВКА К 20-летию КРАСНОЙ АРМИИ

Издание массовых песен

К 20-й годовщине РККА Музгиз выпускает 23 массовых песни, десять из которых печатаются впервые.

На слова поэта М. Рудермана «Песня о тачанке» написали музыку два композитора — К. Листов и Гейфман.

Надается также красноармейский песенник, сборник песен в репертуар Красной Армии.

Литературный конкурс

К 20-летию Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Ленинградском военном округе проводится литературный конкурс на лучшие произведения красноармейцев, отобразившие героическое прошлое и настоящее Красной Армии.

Ленинградский Дом художественной самодеятельности выпустил два сборника со стихами и рассказами о Красной Армии и Флоте.

Театральные постановки

Театры Союза в дни двадцатилетнего юбилея Красной Армии покажут ряд юбилейных пьес, а также песни, отобразившие быт Красной Армии.

Лекции о Л. Н. Толстом и А. С. Пушкине

В Большой аудитории Государственного Политического музея в конце января и начале февраля будут прочтены лекции о Л. Н. Толстом и А. С. Пушкине.

23 января будет прочтена первая лекция на тему: Детство. В лицее. Петербург. Юная ссылка.

Тема второй лекции, назначенной на 28 января: В Михайловском. Странствия. Третья лекция на тему «Под опекой царя» состоится 3 февраля.

Заключительная лекция, озаглавленная «Трагедия и смерть», приурочена ко дню 101-й годовщины со дня смерти поэта — 10 февраля.

Лекция будет сопровождаться концертами. И участие в концерте привлечены: народный артист Союза ССР А. А. Осужнев, народная артистка Республики Е. Н. Гоголева, заслуженные артисты Республики А. И. Александров и М. Д. Михайлов, артисты

Философская редакция Соцгиза выпускает сборники статей крупнейших русских мыслителей — Беллинского, Чернышевского, Чадаева, Герцена.

В ближайшее время выйдут из печати два сборника Чернышевского: «Статьи по эстетике» и «Избранные философские сочинения».

В первом из этих сборников будут напечатаны: диссертация Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», авторопения на эту работу и рецензия на «Поэтику» Аристотеля.

В театре им. Ермоловой деятельно готовились к просмотру пьесы М. Горького «Дети солнца».

Какой актер, какой режиссер, какой рабочий сцены не переживал огромного волнения перед премьерой, когда нервы и чувства напряжены до крайности, когда достаточно кажется, даже самой мелкой и незаметной зрителю «накладкой», чтобы привести в отчаяние весь актерский коллектив! Актер месяцами выматывавший роль, готовится к премьере, как к большому празднику и вместе с тем как к серьезнейшему экзамену.

И вот он пришел Почетного гостя провести, как водится, на самое почетное место — рядом с руководителями театра.

Актеры и актрисы вволюivano смотрели сквозь дырочку занавеса на прибывшее начальство.

Новые пьесы

К 20-й годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии издательство «Искусство» выпускает следующие новые пьесы советских драматургов:

«Дружба» — В. Гусева (в стихах). «Дорога на юг» — И. Прута, «Честь» — Г. Мдивани. «Высокое чувство» — Петра Жаткина.

Готовится переиздание пьесы В. Н. Билль-Белоцерковского «Шторы», и выходит последний вариант его же пьесы «Пограничники».

Выходит пьеса Якуба Коласа «Война война».

Вышла героико-романтическая комедия в 4 актах Евг. Пермяка «Лес шумит». Выпущен литературно-эстрадный сборник «На страже». В сборник вошли отрывки из произведений русских классиков (А. С. Пушкина, Л. Толстого, А. Н. Островского) и из книг советских писателей.

Вышел героико-романтический сборник «Красная Армия». М. Слонимский закончил радиопередачу по мотивам своей пьесы «Пограничники».

В феврале будет транслироваться радиомонтаж романа «Кочубей» Первенцева «На Востоке» П. Павленко, поэма «Дамбула» о Ворошилове, отрывки из «Чапаева» Л. Фурманова, В. Вишневский работает над передачей на тему «Мы, русский народ».

С 14 по 24 февраля организуется трансляция концертов по званиям бойцов РККА, дальневосточников, краснофлотцев, пограничников, бойцов Первой Конной, Красной Армии будет посвящен большой симфонический концерт.

Специальная передача будет передана в Ворошиловград, где 23 февраля проводится инспекция обороны Луганска. Редакция «Последних известий» подготовит радиопередачу из колхозов Кубышевской области, где живут семь героев-братьев Михеевых, Лагоды и Митурзина.

Главная редакция Радиокomiteта готовит материалы, связанные с двадцатилетием РККА, для местного вещания. Темы передач — товарищ Сталин как организатор военных побед, литературно-художественные очерки жизни и деятельности героев гражданской войны — товарищи Ворошилова, Буденного, Блюхера, а также Шорса и Котовского, Перец Маршир работает над монтажом своих стихов о советских пограничниках.

В Просман подготовлена радиопередача по мотивам своего рассказа «Комсомолец Вавилова».

Центральное летнее вещание транслирует 16 февраля пионерский сбор, посвященный двадцатилетию РККА. 22 февраля для ребят организуется радиопередача «Красноармейцы и командиры в гостях у детей».

23 февраля ребята услышат по радио большую радиопередачу, посвященную жизни и деятельности первого маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова.

Третий вечер займет выступление М. А. Цыгановой — «Толстой в Ясной Поляне». Последнюю лекцию о том, как работал Толстой, прочтет проф. Н. С. Грудный.

Лекция о Толстом также будет сопровождаться художественными иллюстрациями из произведений писателя.

Выступит: народная артистка Союза ССР А. К. Тарасова, заслуженные артисты Республики К. Н. Еланская и В. Л. Ершов, тещи Д. Журавлев и другие.

Второй сборник будет посвящен в основном философским работам Чернышевского. Он содержит статью «Антропологические принципы философии», «Критику философских предубеждений против общинного владения», примечания и предисловие к всеобщей истории Вебера, две главы о Беллинском из «Очерков гоголевского периода русской литературы», переписку с сыновьями и ряд других материалов.

Сборники избранных философских сочинений Герцена и Беллинского сейчас готовятся к выпуску из печати.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА ИЗ РЕПЕРТКОМА

Физиономия начальства выражала равнодушие и скуку. В общем начальство шло кота, обещанного сметаной и со сметаной к этому глядящего на мир с еде скрымаемым отращением.

А дальше произошло вот что. С первых же минут спектакля захватили зрительный зал. Зрители, отделившись от синюг кресел, подылись вперед, чтобы лучше видеть и слышать.

А он, так сказать, герой горестная, человек, для которого этот спектакль давался, из которого ждали решительного слова, — он притронул глаза, потом акрыл их совсем, потом качнулся вперед, немного вперед, потом качнулся назад — в асанул!

Руководители театра пытались пробудить его при помощи дипломатического покашливания и даже почтительных инюков локтем в бок, но представитель реперткома Млечин продолжал спать.

Даже громкий смех публики, живо реагирующей на спектакль, не мог пробудить Млечина. Он даже издавал довольно явственный храп, особенно слышимый во время пауз.

Руководители театра были так поражены этим беспримерным начальством, что просто не знали, что делать. Такого конфуза с ними не случалось еще никогда в жизни Актеры, которым со сцены бы ас-

А. РАСКИН и М. СЛОБОДСКОЙ

Жулько и В КурьеЗ

Уголок тихого юмора и бичующей сатиры по методу вечерней газеты «Вчерашние новости»

СНЕГ НА ГОЛОВУ

(Рассказ)

Мило одного дома шел один мальчик. Это было зимой. Как известно, дети — это ветры жизни, а зима — время года. Дом — это много квартир под одной крышей.

Шел этот цырок жизни, в упомянутое время года, и вдруг с той крыши ему на голову свалился снег, как снег на голову.

— Кто тут дворник? — спросил мальчик и свалился замертво.

— Я тут дворник, — сказал кто-то на крыше.

— До каких пор управдом дома № 25/37а по Свердловскому переулку, тов. Пузан, будет терпеть бесчестия своего дворника, выразившего в неприглядном трюке во время сваливания снега, а также в непредусмотренных проходах мимо мальчишек? — сказал мальчик.

Почтине: «Когда бы вверх могли подняться тырыло».

ИВАН ПУСТЯКОВ

ПО НОВОМУ ТАРИФУ

По новому постановлению плата за проезд в такси установлена в 70 коп. вместо 90 коп. за километр.

Уж поводи! Он в такси свидется... «Под!» «Под!» раздался крик. И вот он едет по столице, глазами в счетчику притини.

— Шефер, позволь тебе объехать! Восторам — некуда деваться! Всегда плати бы слани — пять. Теперь плачу — четыре двадцать!

Теперь я на конфорте имею право. Могу машину к дому пригласить. «Иные времена, иные нравы», Иной тариф проезда на такси.

Мих. КАРАКУМОВ.

ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ

... И вот в этой булке я нашел своей родной в меня украл еще в прошлом году.

(Из письма гражданина Н.).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЭПИГРАММА

«Простая девушка» — «Веселые страницы», «Большой семье» «Чужой ребенок» снится.

И. П.—НОВ.

«Иван Болотников»

На чтения новой пьесы Г. Добрянского

Секция драматургов союза советских писателей совместно с московским Театром революции устроила на днях вечер, посвященный чтению пьесы Г. Добрянского «Иван Болотников».

Читал пьесу режиссер Театра революции В. Н. Власов.

К сожалению, на чтении присутствовало мало драматургов, а те, кто были и выступили в прениях, не дали углубленного анализа показа исторических событий в пьесе.

Секция драматургов, систематически устраивающей творческие вечера, следовало бы дать возможность участникам предварительно ознакомиться с новыми произведениями. Это обеспечит более высокий уровень прений.

ТЕАТРАЛ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭПИГРАММЫ

(В порядке обсуждения)

Дистанция огромного размера Не вылетит Пушкина Из Жарова и Уткина.

Интервал Не вылетит Маяковского Из Евген. Долматовского.

Две разницы Не вылетит Белинского Из Корнейки Зелинского.

Три разницы Не вылетит Б. Левина Из Б. Липина и Л. Хафрепина.

Ив. П.

ПО НОВОМУ МАРШРУТУ

Ходит речной трамвай.

Уж он в речной трамвай садится «Плыви! Плыви!» — раздался крик, И вот он едет по водичке И взглядом к девушке притини. Река! Хочу тебя объехать! От счастья некуда деваться! Пусть пароходов только пять, Ведь через год их будет — двадцать!!!

Теперь — пылу налево и направо. Могу жену «на воды» пригласить. «Иные времена, иные нравы», Речной маршрут проезда на такси.

Мих. ГОБИ.

БОА — КОНДУКТОР

Басня

... Тогда кондуктор отказался дать мне копейку сдачи! (Из письма гражданина Н.).

Когда удачу понадеется кролик, Глохнет кролика удав И надеется до колки, Дыхнуть несчастному не дав.

Уж сколько раз твердил миру: — Отдайте сдачу пассажиру! Я и трампарк спрошу: доколе, Терпеть убыток будет кролик, Не получаю сдачи, Хоть плачу?

Удав — Неprav. Нам это ясно. И ходит он в кондукторах напрасно!

Ив. ПУСТЯКОВ.

КЛАССИКИ В МОСТОРГЕ

В продолжение очень трудно встретить ботинковые ноги хорошего качества. Нет их и в Мосторге.

(Из письма гражданина Н.).

Напрасно шляюсь каждый день я — В Мосторге нет хороших боти.

«Ни для женского волеия, Ни для корысти, ни для бытия».

И. ПУСТЯКОВ.

ЗАКОНЧЕН ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Союз писателей Восточной Сибири и областного государственного издательства еще в начале 1937 г. объявил закрытый конкурс на лучшее литературное произведение в прозе и в стихах.

Свыше ста авторов из различных районов области прислали свои произведения. К конкурсу было допущено 48 рассказов, 60 стихотворений и одно драматическое произведение.

Жюри конкурса, рассмотрев материалы, не нашло возможным ни одному произведению присудить первой и второй премии.

Две третьих премии (по 750 руб.) присуждены: С. Марголис — за рассказ «Далеко от Москвы» и Ю. Федорову — за рассказ «Как допели песни».

Первая премия по стихам также не присуждена никому.

Вторая премия (750 руб.) присуждена К. Седых за ряд стихотворений — «На родине».

Две третьих премии (по 500 руб.) присуждены: И. Луговскому — за стихотворение «Девушка на аэродроме» и Ю. Федорову — за стихотворение «Молодой матери».

В процессе конкурса жюри установило еще две четвертых премии по 250 руб., которые присуждены: В. Мельведю — за ряд стихотворений «Пограничная зона» и Е. Жилкиной — за стихотворение «Разговор с сыном».

Выставка о Руставели

Сегодня в читальном зале библиотеки Ленина открывается выставка, посвященная жизни и творчеству великого грузинского поэта Шота Руставели.

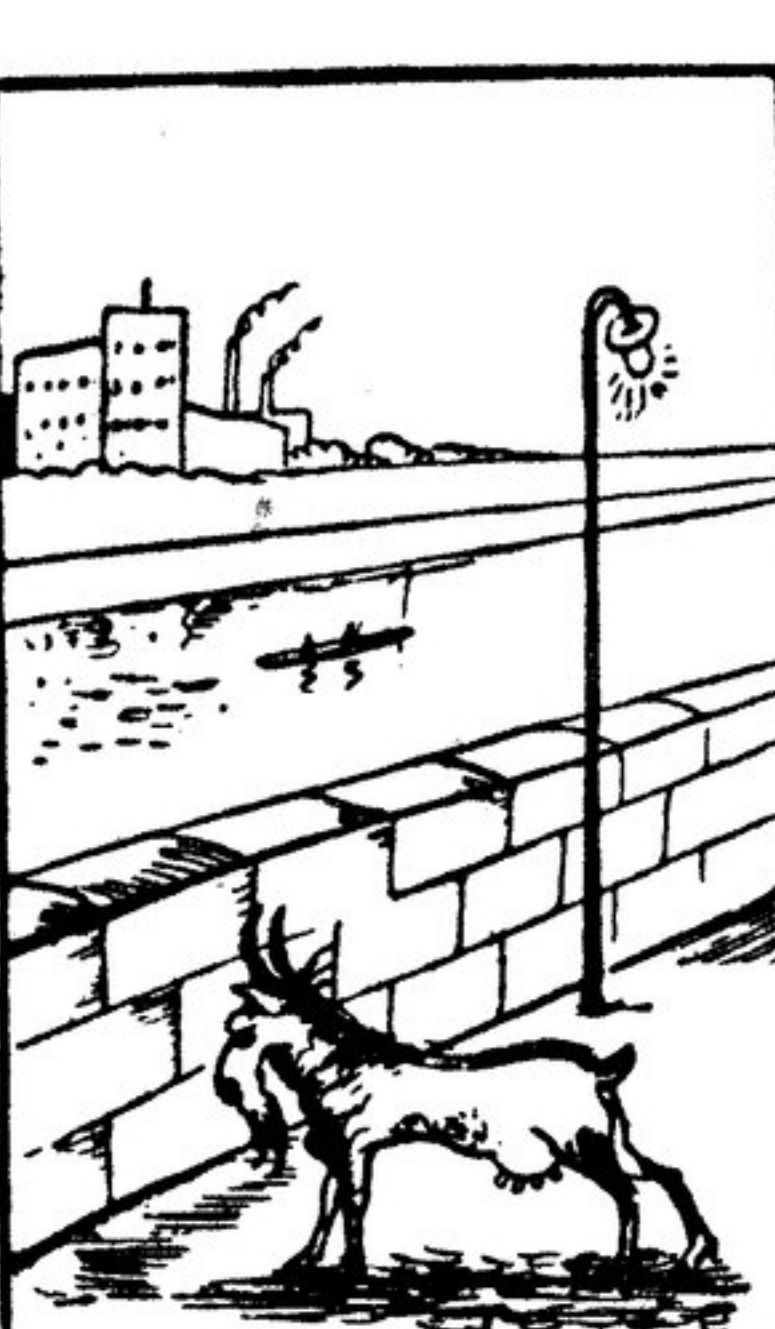
Выставка состоит из 6 отделов. В первом отобразен дружелюбный период грузинской литературы. Второй посвящен эпохе жизни и творчества поэта, третий отдел — поэма «Витязь в тигровой шкуре», грузинская литература и материальная культура XII века.

Остальные отделы дают представление о Руставели в русской и западной литературе, о переводах гениальной поэмы и ее влияния на народное творчество, музыку, искусство.

На выставке представлены все издания «Витязя в тигровой шкуре», начиная с так называемого «вахтанговского» издания 1712 г., являющегося исключительной библиографической редкостью.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

ИЗО-ШУТКА № 1

Нашла коза на камень.

ИЗО-ШУТКА № 2

Частенько заблудившись, как обыкновенное мальчишье шалит на улице (Из письма гражданина Н.).

Не в своем сани не садись.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЭПИГРАММА

У некоторых композиторов наблюдаются отдельные формалистические впадины. (Из рецензии критика Г.).

Арпеджио! Сольфеджио! Гамма и Симфония! А в целом — мама! Это ж какофония!

АНЕКДОТ

Перчаток в универсаме 68 шт. (Из письма гражданина Н.).

Учитель: — Неотъемлемой частью рыцарского вооружения являлись железные перчатки... Ученик (восторженно): — Ух — ты! Вот где были универсамы! ...ан ПУС-ОВ.

Колхозный театральный фестиваль

Спектаклями «Любовь Яровая» (Московский Драматический колхозный театр) и «Слава» (Московский областной театр им. Маяковского) сегодня открывается колхозный театральный фестиваль Московской области.

В нем примут участие театры Можайского, Уваровского, Верейского и Рузского районов. Репертуар состоит из пьес классиков и советских драматургов.

Московский областной колхозный театр им. Маяковского кроме «Славы» В. Гусева покажет «Недоросль» Д. Фонвизина, а Можайский Драматический колхозный театр кроме «Любовь Яровая» К. Тренева — «Метель» П. Венкстера, 1-я Колхозный Художественный театр — «Беспокойная старость» Л. Рахманова и «Мещане» М. Горького. Московский колхозный театр им. Горького — «Нахлебники» П. Тургенева и «Мать» по повести Горького.

Фестиваль продлится 8 дней и будет проходить в клубе железнодорожников при станции Можайск и в клубе Стеклозавода на станции Дорохово.

О ЛИКВИДАЦИИ ТЕАТРА ИМЕНИ ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА

Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР признал, что театр им. Мейерхольда окончательно скатился на чуждые советскому искусству позиции и стал чужим для советского зрителя.

В своем призыве Комитет по делам искусств дал оценку театру им. Мейерхольда, который в течение всего своего существования не мог освободиться от чуждых советскому искусству назовья буржуазных, формалистических позиций. Полным банкротом оказался театр им. Мейерхольда в постановке шпес советской драматургии.

Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР постановил:

- а) ликвидировать театр имени Мейерхольда, как чуждый советскому искусству; б) труппу театра использовать в других театрах; в) вопрос о возможности дальнейшей работы Всеволода Мейерхольда в области театра обсудить особо.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВА, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКИЙ.